

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГКОУ ВО
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

И. Д. Бадамшин

**РЕАЛИЗАЦИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Монография

Уфа 2017

УДК 343.265+343.846(470)
ББК 67.408.032+67.409.18(2Рос)
Б15

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: кандидат юридических наук Е. Р. Пудаков (Управление федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Республике Башкортостан);
доктор юридических наук М. В. Бавсун (ФГКОУ ВО «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»)

Бадамшин И. Д.

Б15 Реализация условно-досрочного освобождения осужденных из мест лишения свободы: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты [Текст] : монография / И. Д. Бадамшин. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД России, 2017. – 108 с.

ISBN 978-5-7247-0937-8

В монографии рассматриваются правовые и организационные вопросы применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, характеризуются меры, направленные на достижение целей уголовного наказания и снижение рецидивной преступности. Осуществлены ретроспективный, а также сравнительно-правовой анализы действующего российского законодательства. Представлена совокупность общественных отношений, возникающих в процессе реализации освобождения от наказания в уголовном и уголовно-исполнительных аспектах.

Предназначена для научных работников, преподавателей, курсантов, слушателей, студентов, адъюнктов и аспирантов, а также сотрудников правоприменительных органов.

УДК 343.132:343.523:351.755.331(470)(075.8)
ББК 67.410.213.8(2Рос)я73

ISBN 978-5-7247-0937-8

© Бадамшин И. Д., 2017
© Уфимский ЮИ МВД России, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Возникновение и развитие в России института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.....	6
Глава 2. Понятие эффективности правовых норм и критерии ее измерения.....	25
Глава 3. Правовая природа и социальная обусловленность института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.....	31
Глава 4. Основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.....	51
Глава 5. Условия отмены условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.....	94
Заключение.....	98
Список использованной литературы.....	100

ВВЕДЕНИЕ

Гуманным целям борьбы с преступностью, исправлению лиц, совершивших преступления, соответствуют гуманные средства. В их арсенале важное место занимает уголовно-правовой институт освобождения от наказания. Этот институт, диалектически сочетая метод убеждения и метод принуждения, выражает требования гуманизма и социально-политической рациональности как принципов организации социальной системы воздействия на преступность в развитом гражданском обществе.

Установление в законе и реализация на практике оснований для освобождения от отбывания наказания составляют одну из принципиальных проблем уголовной политики, поскольку дифференциация уголовной ответственности предполагает не только усиление кары по мере увеличения общественной опасности или рецидива преступлений, но и смягчение или полное освобождение от нее в зависимости от достижения ее целей.

Действующее уголовное законодательство сочетает в себе жесткость наказания в отношении лиц, обладающих повышенной общественной опасностью, совершивших преступные деяния, и разнообразные меры смягчения ответственности и освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденных, когда их исправление достигается до истечения установленного приговором суда срока уголовного наказания. Актуальным является не только применение кары, но и выделение из общего числа осужденных лиц, которые осознали пагубность преступного поведения и не нуждаются в полном отбытии назначенного судом наказания, а их дальнейшее исправление возможно без изоляции от общества. Дифференцированный и индивидуальный подход к лицам, отбывающим уголовные наказания, допускает возможность отказа от государственного принуждения в некоторых случаях и способствует снижению рецидива и преступности в целом.

Еще в конце XIX–начале XX века большинство отечественных ученых положительно относились к существующей в законе возможности досрочного освобождения исправившихся преступников. О полезности рассматриваемого института высказывались такие видные правоведы, как А. Ф. Кистяковский, П. Д. Калмыков, И. Я. Фойницкий, И. М. Малиновский, А. А. Пионтковский, С. В. Познышев и другие.

Проблемы досрочного освобождения осужденных в различных его аспектах в более позднее время рассматривались в работах Е. Г. Ширвиндта, Б. С. Утевского, А. Н. Трайнина, Н. Д. Дурманова, С. И. Зельдова, А. С. Михлина, Ю. М. Ткачевского, В. Е. Квашиса, И. В. Шмарова, Н. А. Стручкова, С. Н. Сабанина, К. М. Тищенко, В. М. Ленского и т. д.

Отмечая несомненную пользу проведенных ранее исследований в данной сфере, необходимо подчеркнуть, что они проводились, как правило, отдельно от системы и базировались на статистических данных и ма-

териалах выборочных исследований, проведенных на территории СССР. Естественно, в них не могли быть учтены те процессы, которые происходят в пенитенциарных учреждениях сегодняшней России.

Меняются политическая ситуация и социально-экономические условия в стране, структура и динамика преступности, качественный состав общности осужденных к лишению свободы, подходы и практика борьбы с преступностью, законодательство. Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. (УК РФ) впервые предусмотрена возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (УДО) в отношении всех категорий осужденных, отбывающих наказания, связанные с исправительным воздействием. Это связано с включением в УК РФ принципа гуманизма, в соответствии с которым должна обеспечиваться безопасность человека. Положения УК РФ об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания нашли свое отражение в принципах уголовно-исполнительного законодательства и в первую очередь в принципе индивидуализации и дифференциации исполнения наказания.

Наличие в Уголовном кодексе института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания определяет возможность сгладить конфликт между субъектами уголовных правоотношений, а в некоторых случаях устранить последствия назначения более строгого наказания, нежели заслуживает виновный. На последнее обстоятельство указывал еще Н. С. Таганцев: «Немногие часы, проведенные следователем, а в особенности судьей, с преступником, легко могут вовлечь в ошибку и придать значение внешнему, кажущемуся, могут выдвинуть на первый план случайные дополнительные обстоятельства и оставить в тени существенные, а все это естественно может вызвать несоответствие назначенного наказания с общественным и индивидуальным значением преступного события. Не подсказывает ли нам жизненная правда, что в действительности весьма и весьма нередко служители правосудия отправляют свои обязанности с традиционной повязкой на глазах, что выбор меры наказания определяется шаблонной рутиной, а не тщательным изучением дела и человека»¹.

В монографии исследуется совокупность общественных отношений, возникающих в процессе исполнения наказания в уголовном и уголовно-исполнительных аспектах, анализируются подходы законодателя к решению проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в настоящее время, определяются меры, направленные на достижение целей уголовного наказания и снижение рецидивной преступности, даются рекомендации, направленные на совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 323.

ГЛАВА 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Историко-правовое исследование институтов освобождения осужденных от отбывания наказания позволяет нам утверждать, что зарождение их отдельных видов в России относится к тому периоду, когда уголовное право стало носить публичный характер. Вначале досрочное освобождение от отбывания наказания появилось в виде помилования как прообраза права пострадавшего прощать своего обидчика. Постепенно право помилования стало применяться не только к индивидуально определенному лицу, но и к индивидуально неопределенным группам лиц и фактически стало приобретать черты амнистии.

В древние времена амнистия по своему содержанию являлась чрезвычайной мерой, посредством которой из соображений политики и гуманности приостанавливалось действие закона, устанавливающего ответственность преступника перед государством. Амнистия в те времена имела преимущественно политическое значение и применялась, как правило, после политических переворотов в отношении поверженных претендентов на государственную власть. Целями ее являлись завоевание авторитета и приобретение единомышленников в стане политических противников.

Первые упоминания о подобных актах амнистии в Русском государстве встречаются в летописях, относящихся к княжескому периоду. Ярким примером тому служит прощение Даниилом Галицким в 1234 г. мятежных бояр Галича, пригласивших на княжество после смерти Романа Мстиславовича князей Игоревичей, что позволило Венгрии утвердиться в Галицком княжестве. Простил поверженных немецких рыцарей в 1242 г. и Александр Невский.

Истории известны и другие факты помилования (прощения) индивидуально неопределенного круга лиц. Однако амнистия в известном смысле этого слова как вид освобождения от назначенного наказания в качестве самостоятельного правового института до начала XX века в российском законодательстве не существовала.

Становление же идеи непосредственного пенитенциарного исправления заключенных и последующего их освобождения принято связывать с трудами Д. Говарда (1726–1780) и И. Бентама (1748–1832). Они познакомили общество с состоянием тюрем и разработали первые проекты пенитенциарных систем, предполагавшие исправление преступников через образование, привлечение к труду и нравственное воздействие на личность вплоть до досрочного освобождения за примерное поведение и отношение к работе¹.

¹ Цит. по: Богданов М. А. Становление идеи пенитенциарного исправления и условно-досрочного освобождения заключенных в XVI–XVIII вв. // Научный портал МВД России. 2010. № 4. С. 101.

В целом возникновение института условно-досрочного освобождения от наказания относится к тридцатым годам XIX столетия. Английские губернаторы Австралии в колонизаторских целях начали по своему усмотрению условно освобождать сосланных туда из метрополии уголовных преступников. Главными целями такого предприятия были, с одной стороны, предоставление вольным колонистам дешевой рабочей силы, а с другой стороны, возможность освободиться от дальнейшей заботы о ссыльных, число которых постоянно увеличивалось, особенно от тех из них, которых жестокие, порой бесчеловечные условия содержания приводили к быстрому физическому истощению и смерти. Гарантиями от совершения ими новых преступлений после освобождения служили угроза возобновления отбывания прежнего наказания, возможность возвращения к нечеловеческим мукам и страданиям, которые они уже на себе испытали. Одновременно такой способ освобождения от наказания служил и средством дальнейшего закабаления в условиях относительной свободы.

Бурный рост преступности в период развития и становления империализма в Европе и Америке повлек совершенствование правовых средств борьбы с преступностью в ряде государств и, естественно, изменение существующих систем исполнения уголовных наказаний. Больше внимания стало уделяться личности преступника, в связи с чем в качестве задачи выдвигается частное предупреждение, а средством его достижения становится юридическое и нравственное исправление преступника. В соответствии с этим изменяется и порядок отбывания наказания в виде тюремного заключения посредством введения элементов прогрессивного улучшения положения заключенного по мере его послушания и успехов в труде, который в те времена являлся обязательным для заключенных почти во всех странах мира, а во многих из них выступал обязательным элементом кары (каторжный труд). Одновременно вводится теперь уже в законодательном порядке условно-досрочное освобождение от наказания как завершающее звено прогрессивной системы исполнения (отбывания) наказания. Указанное освобождение дало возможность обеспечить некоторую стабилизацию правопорядка в местах заключения, более эффективно использовать труд заключенных на тюремных предприятиях и позволило облегчить бремя огромных тюремных бюджетов, расходуемых на содержание заключенных.

Таким образом, под воздействием экономических законов буржуазного общества и развития внутренних противоречий в последней четверти XIX века в законодательство большинства стран Европы и Америки был введен институт условно-досрочного освобождения.

На Руси институт освобождения от наказания начинает формироваться одновременно с рассмотрением идеи нравственного исправления преступников.

Еще в 1773–1774 гг. политический и государственный деятель князь М. М. Щербатов писал: «Наказание, определяемое за преступление, не есть нечто неизменное. В зависимости от душевного состояния отбывающего наказание оно может быть или сокращено, или совершенно оставлено, и преступник подлежит освобождению»¹. Таким образом, М. М. Щербатов «одним из первых среди русских политиков поднимает вопрос о досрочном освобождении на случай исправления отбывающего наказание»².

Позже, в XIX веке, возникли иные различные формы условного и безусловного освобождения от отбывания наказания. Таковым из них явилось безусловное досрочное освобождение лиц, лишенных свободы. Впервые в российском законодательстве такое освобождение предусматривалось Уставом о ссыльных 1822 г. Статьи 309, 375, 377 Устава допускали сокращение сроков пребывания в разряде ссыльных каторжан и ссыльных поселенцев. Кроме того, ст. 317 Устава о содержании под стражей предусматривалось сокращение сроков содержания в арестантских отделениях. Позднее Законом 1887 г. предусматривалось сокращение сроков одиночного тюремного заключения. Законом о заведениях для малолетних преступников впервые устанавливалось условное досрочное освобождение для несовершеннолетних осужденных.

В Российской Империи необходимость введения досрочного освобождения от отбывания наказания обосновывалась учеными еще в конце XIX века. На втором съезде русской группы Международного Союза криминалистов, состоявшемся в 1890 г. в Петербурге, была принята резолюция, в которой условное досрочное освобождение было признано для России мерой в «высшей степени желательной, необходимой» и вполне осуществимой. В 1901 г. проходивший в Москве съезд полностью поддерживал эту резолюцию, что впоследствии воплотилось в принятие Закона об условном досрочном освобождении от 22 июня 1909 г.³

Положения этого закона сводились к тому, что досрочно освобожденный передавался на весь оставшийся неотбытый срок лишения свободы под наблюдение и на попечение местного общества патроната либо местного комитета или отделения «общества попечительного о тюрьмах». В течение неотбытого срока наказания освобожденный обязан был соблюдать условия, на которых ему предоставлена свобода. Закон не определял содержания этих условий, позволяя судам при решении вопроса об условно-досрочном освобождении определять их по своему усмотрению. Если в течение указанного срока освобожденный совершит какое-либо преступное деяние, за которое будет осужден приговором суда, или будет установлено его порочное поведение, могущее угрожать личной или общест-

¹ Богданов М. А. Указ. соч. С. 102.

² Там же. С. 102.

³ Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан (Собор. Узак. 1909 г. № 126. Ст. 1216) / под ред. Д. А. Коптева. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie49445.html>

венной безопасности или порядку, или если он нарушит другие условия, на которых ему предоставлена свобода, то он может быть возвращен в места заключения для отбытия оставшегося срока наказания. В случае соблюдения установленных условий в течение испытательного срока наказание, назначенное судом, считается отбытым.

Таким образом, своеобразие данного института заключалось в контроле за поведением освобожденного, который реализовывался в форме общественного наблюдения, соединенного с мерами государственного принуждения (ограничения места жительства и др.).

По выражению одного из видных русских исследователей Ю. В. Александровского были и иные мотивы принятия указанного Закона. Он пишет: «Закон об условном досрочном освобождении исходит не из соображений гуманности или желаний ослабить репрессию, наоборот, он исходит из совершенно правильной мысли – удержать преступника от совершения на свободе новых преступлений дополнительной угрозой отбытия неотбытого еще наказания»¹.

В советском уголовном законодательстве институт досрочного освобождения от отбывания наказания существует практически с первых месяцев установления Советской власти. История развития этого института в советский период характеризуется прежде всего декларированием гуманистических начал, которые в первые годы Советской власти действительно широко реализуются в системе назначения и исполнения уголовных наказаний. Так, первым законодательным актом Советской власти, ставшим в дальнейшем основой этого института, можно считать постановление Народного Секретариата Украины от 4 января 1918 г. «О введении народного суда». Следующим документом, закрепляющим этот правовой институт в советском уголовном праве, стал принятый 7 марта 1918 г. Декрет ВЦИК «О суде» № 2, которым были предусмотрены две формы досрочного освобождения, применяемые судом, – условное и безусловное. С тех пор сущность условно-досрочного освобождения осталась неизменной – освобождение исправившегося преступника от дальнейшего отбывания наказания на определенных условиях. Однако законодательное регулирование этого института нормами Общей части советского уголовного законодательства постоянно подвергалось многочисленным изменениям и дополнениям, отмене и восстановлению. Практика применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в годы Советской власти часто была неустойчивой и противоречивой и вызывала порой довольно противоположные толкования тех или иных его законодательных положений.

¹ Закон об условном досрочном освобождении. Высочайше утвержденный 22 июня 1909 г. и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон. Законодательные мотивы и постатейные разъяснения. Ю. В. Александровский. Санкт-Петербург, 1909. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1423262>.

В первые годы Советской власти также вводится институт зачета рабочих дней как одна из форм досрочного освобождения из мест лишения свободы. Сущность института зачетов рабочих дней состояла в том, что осужденному при определенных условиях, связанных, как правило, с добросовестной трудовой деятельностью, засчитывался в счет отбывания наказания больший срок, чем календарное время, которое он фактически провел в местах лишения свободы.

В законодательстве первые указания о зачетах рабочих дней осужденным к лишению свободы были даны в постановлении Наркомюста от 4 декабря 1919 г., где говорилось о зачете каждых двух дней работы за три дня срока наказания осужденным, занятым физическими работами вне стен тюрьмы, работающим сверхурочно и вырабатывающим сверх установленной средней нормы. Как видим, здесь применение зачетов связывалось только с характером труда и выполнением нормы выработки.

Свое развитие институт зачетов рабочих дней получил в УК РСФСР 1922 г. и Исправительно-трудовом кодексе (ИТК) РСФСР 1924 г., в котором ст. 52 допускала его применение ко всем работающим заключенным независимо от характера работы. Данная статья, с одной стороны, расширила область применения зачетов рабочих дней, распространив их на все виды работ, а с другой – ограничила их двумя условиями: требованием продуктивности труда, подлежащего зачету, и требованием приобретения осужденными профессиональных знаний и трудовых навыков, свидетельствующих о происходящем приспособлении к условиям трудового общежития. Здесь законодатель пошел уже дальше, обусловив возможность применения зачетов рабочих дней также обстоятельствами, связанными с подготовкой осужденных к освобождению. Кроме того, предусматривалось, что зачеты применяются только к осужденным из среды трудящихся.

Уголовный кодекс в редакции постановления ВЦИК от 22 ноября 1926 г. сохранил институт досрочного освобождения от отбывания наказания с некоторыми изменениями порядка и условий его применения. В ст. 56 УК РСФСР устанавливалось, что к лицам, приговоренным к лишению свободы или принудительным работам и обнаруживающим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего применения к ним назначенной по приговору меры социальной защиты.

В соответствии с указанной нормой УДО заключалось либо в освобождении от дальнейшего отбывания назначенной по приговору меры социальной защиты, либо в замене ее более мягкой и применялось в порядке, установленном действовавшим тогда ИТК РСФСР 1924 г.

В качестве условия досрочного освобождения предусматривалось то, что если освобожденный совершит в течение неотбытого срока новое, не менее тяжкое преступление, то неотбытая им часть срока присоединяется к мере социальной защиты, принятой судом за новое преступление.

При этом общий срок лишения свободы не должен был превышать десятилетнего, а принудительных работ – годового.

Несколько иной порядок досрочного освобождения существовал в отношении несовершеннолетних осужденных. В соответствии со ст. 57 УК РСФСР несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы и помещенные в трудовые дома для несовершеннолетних, оставались там вплоть до исправления или достижения ими 18-летнего возраста. Если к моменту достижения ими этого возраста они еще не отбыли назначенного приговором суда срока лишения свободы, они могли быть досрочно освобождены. Несовершеннолетние, в отношении которых досрочное освобождение признавалось невозможным, оставались в тех же трудовых домах или переводились в другие трудовые дома или колонии на основаниях, определяемых ИТК РСФСР.

Во всех случаях досрочного освобождения критериями оценки исправления осужденного служили примерное поведение и «особо продуктивный труд». Однако 30 октября 1929 г. ст. 52 ИТК подверглась изменению, заключающемуся в том, что вместо «особо продуктивного труда» требовался только «особо усердный труд». Понятие «продуктивного труда» предполагало выполнение норм выработки, «особо же усердный труд» позволял засчитывать рабочие дни и при невыполнении нормы выработки. По-видимому, данное изменение было вызвано тем, что в ряде случаев невыполнение нормы выработки могло быть связано с причинами, не зависящими от осужденного. Новая формулировка акцентировала внимание в первую очередь на объективном отношении осужденного к работе.

ИТК РСФСР 1933 г. возвратился к формулировке ст. 52 в редакции 1924 г. и говорил о зачете «2 дней особо продуктивной работы за 3 дня срока». Размер зачетов дифференцировался в зависимости от географического положения места лишения свободы и значимости выполняемой работы. Наибольший зачет составлял 3 дня срока наказания за 2 дня работы, а ударникам – 2 дня срока наказания за 1 день работы. Начисление зачетов регламентировалось «Инструкцией по применению зачетов рабочих дней заключенным исправительно-трудовых лагерей ОГПУ» от 22 ноября 1931 г.

В дальнейшем практика применения зачетов во всех исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) была отменена приказом Народных комиссаров внутренних дел (НКВД) СССР от 15 июня 1939 г. и восстановлена только во второй половине 40-х гг. (1947–1949 гг.).

В соответствии со ст. 124 ИТК РСФСР условно-досрочное освобождение могло быть применено наблюдательными комиссиями к лицам, лишенным свободы, а также к лицам, отбывающим ссылку с исправительно-трудовыми работами и исполняющим исправительно-трудовые работы без лишения свободы. Применение условно-досрочного освобождения допускалось по отбытии осужденным не менее половины срока назначенной судом меры социальной защиты. При исчислении этой половины включался

сюда и зачет рабочих дней. Иными словами, здесь имело место соединение фактически отбытого срока наказания с льготным, установленным в порядке, предусмотренном для зачета рабочих дней, в связи с чем фактически отбытый срок наказания составлял менее половины всего назначенного судом срока наказания. Такой порядок исчисления отбытого срока наказания, дающего возможность применения к осужденному УДО, на наш взгляд, не давал возможности администрации мест лишения свободы и наблюдательным комиссиям объективно оценить степень исправления осужденного и на первый план среди прочих критериев выдвигал критерий «особо усердного труда».

В отношении осужденных к лишению свободы условно-досрочное освобождение применялось как в виде полного освобождения от меры социальной защиты, так и в виде перевода на исправительно-трудовые работы без лишения свободы на срок не свыше одного года.

К лицам, отбывающим ссылку с исправительно-трудовыми работами, условно-досрочное освобождение применялось в виде перевода на оставшийся срок, но не более одного года на исправительно-трудовые работы без лишения свободы в место по выбору самого осужденного. Для этой категории осужденных предусматривалось также и полное освобождение как от ссылки, так и от исправительно-трудовых работ.

Существенным изменением закона явилось указание ст. 79 ИТК РСФСР на возможность в случае последующего отрицательного поведения заключенного, нарушения им трудовой дисциплины, совершения каких-либо проступков и т. д. в качестве одной из мер дисциплинарных взысканий отменять полностью или частично зачеты рабочих дней.

Все вопросы, связанные с применением условно-досрочного освобождения и досрочного освобождения в порядке зачета рабочих дней, в соответствии со ст. 115 ИТК РСФСР самостоятельно разрешали наблюдательные комиссии.

Следует указать, что полномочия наблюдательных комиссий были достаточно широкими. Наблюдательные комиссии давали заключения и ставили по собственной инициативе вопросы:

а) перед Президиумом ВЦИК и ЦИК СССР – об отмене или замене другой, более мягкой, мерой социальной защиты в порядке частной амнистии, лишения свободы, ссылки с исправительно-трудовыми работами и исправительно-трудовых работ без лишения свободы тем осужденным, в отношении которых по мотивированному постановлению комиссии нецелесообразно применять эти меры социальной защиты;

б) перед соответствующими судами – о применении условно-досрочного освобождения к осужденным до истечения установленного законом срока;

в) перед судом, вынесшим приговор, – о снятии назначенных в качестве дополнительной меры ссылки и поражения в правах;

г) перед управлением исправительно-трудовыми учреждениями края (области), автономной республики или автономной области – об отмене частично или полностью зачета рабочих дней лицам, упорно нарушающим общую или трудовую дисциплину, дезорганизирующим работу места лишения свободы или проявившим себя в качестве упорных «лодырей и симулянтов».

Постановления наблюдательных комиссий могли быть опротестованы в трехдневный срок председателем наблюдательной комиссии, прокурором или начальником ИТУ в краевой, областной или главный суд АССР по месту исполнения приговора.

Кроме того, наблюдательные комиссии непосредственно руководили оказанием трудовой и других видов помощи освобождаемым из мест лишения свободы.

Столь широкие полномочия наблюдательных комиссий объяснялись тем, что в их состав (от шести до десяти человек) входили: народный судья (по месту нахождения ИТУ), начальник ИТУ или его помощник, представитель местной рабоче-крестьянской инспекции и представители общественных организаций, а также хозяйственных организаций, с которыми данное место лишения свободы по роду и характеру его производства наиболее тесно связано.

Выполняя практически судебные функции, при разрешении вопросов досрочного освобождения от отбывания наказания наблюдательные комиссии в соответствии со ст. 110 ИТК РСФСР строили свою работу на основе максимального участия широких масс трудящихся в деятельности исправительно-трудовых учреждений и учитывали при рассмотрении дел осужденных классовую опасность совершенного преступления, социальное положение осужденного, мотивы совершенного им деяния, успешность применения к нему исправительно-трудового воздействия и общие задачи, которые ставились судебными и исправительно-трудовыми органами.

К работе в наблюдательных комиссиях привлекались с правом совещательного голоса заведующие политико-воспитательной и производственной частью, врачи, педагоги и представители общественных организаций осужденных, создаваемых в местах лишения свободы. На каждое заседание наблюдательной комиссии обязательно приглашался прокурор или его помощник.

На заседания наблюдательных комиссий, на которых рассматривались дела осужденных военными трибуналами, приглашались представитель ближайшего военного трибунала с правом решающего голоса и военный прокурор.

Состав наблюдательных комиссий утверждался районными исполнительными комитетами, а в городах, выделенных из состава района в самостоятельные административно-территориальные единицы, – городскими советами.

Общее руководство деятельностью наблюдательных комиссий осуществлял Народный комиссариат юстиции РСФСР.

В дальнейшем институт зачетов рабочих дней осужденным нашел свое отражение в Положении об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР, одобренном распоряжением Совета Министров СССР от 10 июля 1954 г. На его основании МВД СССР 10 августа 1954 г. был издан приказ о введении во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях зачетов рабочих дней для заключенных, а также для лиц, подлежащих согласно приговорам судов содержанию в лагерях и колониях, но оставленных в тюрьмах для их хозяйственного и производственного обслуживания. Приказом предусматривалось применение зачетов рабочих дней к заключенным, систематически выполняющим производственные нормы выработки (обеспечивающим порученный участок работы) и соблюдающим установленный режим.

К заключенным, содержащимся на строгом режиме, зачеты рабочих дней применялись не ранее 6 месяцев нахождения их на этом режиме. Осужденные, злостно нарушавшие установленный режим, лишались ранее полученных зачетов рабочих дней в размере до 6 месяцев, а в случаях осуждения за совершение в колонии (лагере) преступления или перевода на тюремный режим лишались всех ранее начисленных зачетов. Лишение заключенного зачетов рабочих дней производилось в каждом отдельном случае по заключениям, утвержденным начальником Управления исправительно-трудовых лагерей (УИТЛ), санкционированным прокурором.

Приказом МВД СССР от 18 ноября 1955 г. был установлен единый перечень производств, работа на которых давала заключенным право на зачет в срок отбывтия наказания до 3 дней за каждый отработанный день. До этого такие перечни определялись Главным управлением лагерей и соответствующими производственными главками министерств, использовавшими труд осужденных. Кроме того, данным приказом с учетом видов производств были несколько изменены размеры начисляемых заключенным зачетов рабочих дней.

На наш взгляд, порядок применения зачетов рабочих дней, действовавший с 1954 г. по декабрь 1958 г., когда было принято новое Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах, имел ряд отрицательных сторон, которые обесценивали воспитательное значение досрочного освобождения.

Освобождение по зачетам, производившееся администрацией ИТУ помимо суда, колебало авторитет суда и стабильность приговора, что, безусловно, снижало предупредительное значение наказания. Освобождение по зачетам рабочих дней практически вытеснило условно-досрочное освобождение от наказания по суду, т. к. согласно принятому 14 июля 1954 г. Указу Президиума Верховного Совета СССР условно-досрочное освобождение могло быть применено к осужденным по отбытии 2/3 срока наказания. Досрочное же освобождение по зачетам практически осуществлялось по отбытии 1/3 или половины срока наказания.

Другой отрицательной стороной применявшегося порядка зачетов было автоматическое его действие. Освобождение по зачетам ставилось в зависимость не столько от степени действительного исправления и перевоспитания осужденных, сколько от перевыполнения ими норм выработки на определенный процент (максимальный зачет при выполнении норм на 121 %).

Все эти и другие отрицательные явления зачастую приводили к досрочному освобождению неисправившихся осужденных, продолжавших вести на свободе антиобщественный образ жизни и совершать преступления.

Действовавший порядок досрочного освобождения по зачетам был подвергнут резкой критике в советской печати, а также на заседаниях 2-й сессии Верховного Совета СССР V созыва в декабре 1958 г., на которой были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В этом законе провозглашалось, что освобождение осужденного от отбывания наказания, а также смягчение назначенного наказания, кроме освобождения от наказания или смягчения наказания в порядке амнистии и помилования, может применяться только судом. Это означало фактическую отмену освобождения осужденных по зачетам рабочих дней и существенно ограничивало компетенцию наблюдательных комиссий при решении вопросов досрочного освобождения от отбывания наказания. Очевидно, что с учетом этого в законе был понижен минимальный срок фактического отбывания наказания, необходимого для представления осужденного к условно-досрочному освобождению, — с $2/3$ до половины назначенного срока наказания.

В Инструкции по применению зачетов, утвержденной приказом МВД СССР от 13 февраля 1959 г., говорилось, что администрация колонии (тюрьмы) должна представлять в суды материалы на условно-досрочное освобождение осужденных, которые отбыли соответственно не менее $1/2$ или $2/3$ назначенного срока наказания, а начисленные им зачеты рабочих дней перекрывают оставшийся срок наказания.

В дальнейшем Прокуратура СССР и МВД СССР своим указанием от 24 июня 1959 г. разрешила представлять к условно-досрочному освобождению и тех осужденных, которые по не зависящим от них причинам (болезнь, не предоставление работы и т. д.) не имели зачетных рабочих дней или имели их в размере меньшем оставшегося срока наказания.

Практика многих лет свидетельствовала о том, что в применении зачетов рабочих дней имелись существенные недостатки, что и обусловило в конечном счете их отмену. Ограниченность штатных возможностей, слабая профессиональная подготовка сотрудников, отсутствие должного контроля за работой осужденных создавали условия для различного рода злоупотреблений, приписок отработанных дней и объемов выполненных работ.

Все это привело к тому, что в новом Примерном положении об ИТК и тюрьмах, одобренном постановлением ЦК КПСС и Советом Министров СССР от 3 апреля 1961 г., а также в последующих директивных и за-

конодательных актах применение зачетов рабочих дней к осужденным больше не предусматривалось, а в числе видов досрочного освобождения зачеты не упоминались.

Дальнейшие существенные изменения в институт условно-досрочного освобождения были внесены Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятыми в 1958 г. и изданными в соответствии с ними в 1959–1961 гг. уголовными кодексами союзных республик. В соответствии с этими изменениями вводились условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой его части более мягким наказанием в отношении не только осужденных к лишению свободы, но и в отношении осужденных к исправительным работам, ссылке, высылке, направлению в дисциплинарный батальон. Применение условно-досрочного освобождения и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием дифференцировались в зависимости от характера совершенного преступления и прошлой судимости. К определенным категориям осужденных эти институты вообще не применялись. Одновременно законодатель установил, что в случае совершения лицом, к которому было применено УДО, однородного или не менее тяжкого преступления суд обязан был назначить ему наказание по правилам о совокупности приговоров.

Следует отметить, что уголовное законодательство, действовавшее до принятия Основ, не предусматривало формального запрещения УДО для какой-либо категории осужденных. В связи с этим любой осужденный, доказавший свое исправление, мог быть освобожден условно-досрочно, независимо от тяжести совершенного преступления и наличия прошлых судимостей.

Не предусматривал каких-либо ограничений и проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик, опубликованный для широкого обсуждения в середине 1958 г. Однако в ходе развернувшейся дискуссии по обсуждению проекта Основ были внесены предложения о неприменении условно-досрочного освобождения к лицам, признанным судом рецидивистами, и лицам, совершившим наиболее тяжкие преступления¹.

После принятия Пленумом Верховного Суда СССР постановлений от 19 июня и 19 декабря 1959 г.² по вопросам применения мер уголовного наказания в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступностью удельный вес условно-досрочно освобожденных из мест лишения свободы в начале 60-х гг. достигал 70–80 % от общего числа освобождаемых из мест лишения свободы, особенно лиц, осужденных впервые³.

¹ Болдырев В. А. О кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Советское государство и право. 1958. № 7. С. 91; Стручков Н. А. Проблемы наказания в проектах общесоюзного и республиканского законодательств // Советское государство и право. 1958. № 7. С. 104.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963 гг. М., 1964. С. 135–142.

³ Носенко А. М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы. М., 1974. С. 7.

Практика столь широкого применения УДО привела к тому, что из мест лишения свободы часто досрочно освобождались лица, реально не заслуживающие такого освобождения. Отмечая это обстоятельство, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 марта 1961 г. обратил внимание судов на формальный подход при рассмотрении материалов об условно-досрочном освобождении, представляемых администрацией ИТУ. В постановлении указывалось, что суды довольно часто основное внимание уделяли проверке факта отбытия осужденным установленной законом части срока наказания, а основной вопрос – доказал ли осужденный свое исправление – часто оставался без рассмотрения¹.

Недостатки в применении УДО и осуществление линии усиления борьбы с особо опасными преступлениями подтолкнули законодателя на установление запрета о применении досрочного освобождения еще к двум категориям осужденных. Так, в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 5 и 18 мая 1961 г.² и 4 апреля 1962 г.³ условно-досрочное освобождение от отбывания наказания не применялось к лицам, ранее условно-досрочно освобожденным из мест лишения свободы и совершившим в период неотбытой части наказания новое преступление, и на лиц, совершивших некоторые виды тяжких преступлений (особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и др.). Нормы о неприменении УДО были выделены в отдельную статью Основ и, соответственно, уголовных кодексов союзных республик.

Судебная практика применения рассматриваемого института и практика представления в суды материалов об условно-досрочном освобождении осужденных администрацией ИТУ также не была однообразной. В связи с этим вопросы применения УДО за период с 1961 по 1971 гг. были предметом неоднократного рассмотрения в рамках постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР и многочисленных ведомственных актов органов, ведающих исполнением наказаний, и лишь с принятием Закона СССР от 11 июля 1969 г.⁴ было введено единое для всего Союза ССР правовое регулирование условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Указанный Закон значительно сузил круг лиц, в отношении которых могло быть применено УДО и могла быть осуществлена замена неотбытой части наказания более мягким наказанием после фактического отбытия не менее половины назначенного судом срока, и установил в качестве основания для неприменения условно-досрочного освобождения совершение нового умышленного преступления, за которое виновный осуждался к на-

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963 гг. М., 1964. С. 204–205.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 19. Ст. 207.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 4. Ст. 147.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 29. Ст. 249.

казанию в виде лишения свободы. Одновременно законом четко определялся круг лиц, в отношении которых досрочное освобождение вообще не применялось. В связи с этим 14 ноября 1969 г. в УК РСФСР была введена ст. 53¹ «Неприменение условно-досрочного освобождения».

Отметим, что наличие института условно-досрочного освобождения в советском уголовном законодательстве в различных его вариациях всегда оставалось важным стимулом, побуждавшим осужденных к соблюдению режима отбывания наказания, правопослушному поведению и добросовестному отношению к труду как к основным критериям, позволяющим выйти на свободу ранее срока, определенного приговором суда.

Важность данного стимула не снизилась и после принятия указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 февраля 1971 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» и от 11 марта 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР»¹, когда расширилась возможность для досрочного освобождения осужденных к лишению свободы еще и за счет введения в УК РСФСР института условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду.

Если раньше условно-досрочное освобождение не применялось к 25–26 % осужденных к лишению свободы, то после внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовное законодательство этот процент сократился, но не за счет расширения круга лиц, к которым допускалось применение данного правового института, а за счет общего количества лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Как свидетельствуют материалы специальной переписи осужденных 1975 г., возможность досрочно освободиться из мест лишения свободы при определенных условиях получили теперь 92 % осужденных².

Условное освобождение с обязательным привлечением к труду по советскому законодательству было известно и ранее, до введения этих институтов в Основы и уголовные кодексы союзных республик. Впервые оно было применено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, твердо вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства».

Разовое освобождение отдельных категорий осужденных из мест лишения свободы применялось и позже, как, например, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1970 г. «О единовременном условном освобождении из мест лишения свободы некоторых категорий осужденных для работы на строительстве предприятий народного хозяйства». С помощью таких мер решались в первую очередь задачи экономического характера.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 3. Ст. 255.

² Характеристика осужденных к лишению свободы / под ред. А. С. Михлина. М., 1977. С. 11.

Следует отметить, что введенный в уголовное законодательство институт условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду был достаточно феноменальным по своему содержанию. Его применение не означало фактически досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания, а предусматривало лишь досрочное освобождение из мест лишения свободы с отбыванием этого же наказания в ином заведении – специальной комендатуре. Практически такое освобождение не меняло специального правового статуса освобождаемого лица из мест лишения свободы, а лишь меняло содержание исправительно-трудовых отношений, поскольку оно означало исполнение того же назначенного судом наказания в несколько иных, более выгодных для осужденного, условиях.

Интересна законодательная формулировка главного условия применения данного института – «обязательное привлечение к труду», в то время как каждый гражданин СССР был обязан трудиться.

Довольно интересными были и положения ч. 5 ст. 53², предусматривавшей ответственность условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. В этой норме указывалось, что если условно освобожденный уклоняется от работы либо систематически или злостно нарушает трудовую дисциплину, общественный порядок или установленные для него правила проживания, он направляется для отбывания лишения свободы, назначенного приговором.

Поскольку уклонение условно освобожденных от общественно полезного труда на практике чаще всего было связано с оставлением места отбывания наказания (теперь уже не лишения свободы, а «условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду»), то такое нормативное предписание служило мерой уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания.

Достаточно парадоксальным явлением судебной практики 80-х годов XX в. являлось то, что при наличии уголовной ответственности за ведение паразитического образа жизни практически ни один условно освобожденный из мест лишения свободы при решении вопроса о направлении его для дальнейшего отбывания наказания в места лишения свободы за уклонение от работы, связанное с длительным отсутствием его в спецкомендатуре, не был осужден за совершение этого деяния. Более того суды даже не пытались выяснить, на какие средства существовало все это время лицо, направляемое в места лишения свободы за нарушение порядка отбывания наказания в спецкомендатуре.

Условное осуждение и условное освобождение с обязательным привлечением к труду имели довольно широкое распространение в советской судебной практике. Так, по состоянию на 1 января 1989 г. в СССР на учете

в спецкомендатуре состояло 75 тыс. условно осужденных и свыше 70 тыс. условно освобожденных¹.

Законом от 18 февраля 1993 г. условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду были упразднены. Даже в новых социально-экономических условиях, когда в России уже реально существовала безработица, целесообразность принятия такого решения довольно сомнительна. Об этом свидетельствует и введение в УК РФ наказания в виде ограничения свободы, похожего по своему содержанию на рассматриваемые нами правовые институты. «Но совершенно очевидно, – пишет Ю. М. Ткачевский, – что изменить громоздкие названия, уточнить суть условного осуждения (ограничения свободы) и четко определить, что никакого условного освобождения не было, а существовала замена одного наказания другим, вероятно, следовало»².

В целом же действие института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания после соответствующих изменений, введенных в уголовное законодательство в 1977 г., как и ранее обуславливалось обстоятельствами, характеризующими личность осужденного и преступление и относящими его к определенной категории тяжести.

По кругу лиц УДО не применялось к особо опасным рецидивистам и ранее осуждавшимся за умышленное преступление к лишению свободы, к которым были применены условно-досрочное освобождение либо замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, если до истечения неотбытого срока наказания они совершили новое преступление, за которое осуждены к лишению свободы.

По кругу преступлений УДО не применялось к лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, бандитизм, за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и другие тяжкие преступления, перечень которых содержался в ст. 53¹ УК РСФСР.

Ко всем остальным осужденным УДО могло быть применено, если они докажут свое исправление, отбыв установленную законом часть (1/3, 2/3, 3/4) назначенного срока наказания.

В отличие от действовавшего до 1977 г. Закона право на УДО получила новая категория осужденных, многие из которых приговорены к значительному сроку наказания и должны отбыть большую часть его (2/3, 3/4).

Последующие изменения в институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания были внесены в 1982 г.³ и в 1985 г.⁴, в соот-

¹ Приводится по: Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 68.

² Приводится по: Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 68.

³ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1982 г. и от 3 декабря 1982 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1982. № 41. Ст. 1513; 1982. № 49. Ст. 1821.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 апреля 1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 15. Ст. 564.

ветствии с которыми круг лиц, имевших возможность условно-досрочно освободиться, значительно сузился. Ограничения эти распространялись в основном на лиц, осужденных к лишению свободы, и касались также изменения сроков, по истечении которых данный институт мог быть применен к осужденным.

Дальнейшее становление рассматриваемого нами института происходило на фоне осуществляемой в обществе перестройки. Так, идея применения досрочного освобождения в порядке зачета рабочих дней нашла свое воплощение в жизнь и в конце 80-х годов XX в. Провозглашенные в тот период лозунги перестройки и ускорения в экономике понуждали исправительно-трудовую систему, занимавшую в производстве общего объема валового национального продукта значительное место, искать политическим реалиям адекватные пути повышения производительности труда осужденных за счет моральных стимулов увеличения эффективности производства.

В соответствии со сложившейся к этому времени обстановкой в исправительно-трудовых учреждениях страны, когда большинство осужденных было занято на собственном производстве, значительно возрос уровень кадрового потенциала учреждений, исполняющих наказания, что в известной степени давало возможность обеспечить действенный контроль за поведением осужденных, объективно оценить производительность их труда и степень исправления. Возникла идея экспериментальной проверки системы зачетов рабочих дней.

Ввиду поиска новых эффективных путей и способов воздействия на процесс исправления осужденных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1987 г. было предусмотрено введение в порядке эксперимента зачетов рабочих дней осужденным, отбывающим наказание в исправительно-трудовых колониях.

В ходе эксперимента предполагалось проверить принцип не разового, а многократного сокращения срока наказания на протяжении всего срока нахождения осужденного в исправительном учреждении. В результате действия такой системы зачетов осужденный должен был воспринимать возможность досрочного освобождения от отбывания наказания не как отдаленную перспективу, а как постоянно действующий фактор, способствующий его исправлению.

Одной из целей эксперимента была выработка наиболее оптимального варианта правовой регламентации института зачета рабочих дней. В соответствии с целью и задачами эксперимента была сформулирована гипотеза, которая сводилась к тому, что применение зачетов рабочих дней и создание для осужденных постоянно действующей перспективы досрочного освобождения от отбывания наказания будут способствовать повышению эффективности процесса их исправления и перевоспитания. Основные положения этой гипотезы были следующими:

- применение зачетов рабочих дней обеспечит рост производительности и повышение качества труда осужденных, повысит заинтересованность их в трудовой занятости на работах с тяжелыми и вредными условиями труда;

- введение института зачетов рабочих дней будет способствовать улучшению оперативной обстановки и состояния режима в ИТУ;

- применение новой формы досрочного освобождения создаст условия для выработки и осуществления новых оперативно-режимных мероприятий, совершенствования форм и методов политико-воспитательной работы.

Для оценки деятельности экспериментальных колоний были определены следующие критерии и показатели:

- уровень преступности в колонии;
- уровень нарушений режима отбывания наказания;
- количество применяемых мер дисциплинарного взыскания;
- качество выпускаемой продукции;
- эффективность трудоустройства осужденных и уровень выполнения производственных планов.

Участие в эксперименте принимали не только практические работники ИТУ, но и научные коллективы. Так, для проведения эксперимента и оказания необходимой помощи сотрудникам колоний был создан авторский коллектив из числа сотрудников НИЛ-5 ВНИИ и ГУИД МВД СССР.

Формы и методы проведения эксперимента по применению зачетов рабочих дней определялись Инструкцией об исполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1987 г., утвержденной приказом МВД СССР № 251 от 4 декабря 1987 г. и согласованной с Прокуратурой Союза ССР и Верховным Судом СССР.

Действие эксперимента было определено сроком в один год (с 1 января 1988 г.), а затем продлено еще на полгода. В территориальном отношении эксперимент был достаточно широким. В его проведение были включены ИТК, дислоцированные в Украинской ССР, Белорусской ССР, Латвийской ССР, Коми АССР, Мордовской АССР, Красноярском крае, Нижегородской и Ульяновской областях. Всего же в эксперимент были вовлечены 52 колонии всех видов режимов, указанные в приложении к постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1987 г.

Воспитательное значение постепенного (многократного) условного сокращения срока наказания должно было быть весьма ощутимым. Не вызвало сомнений, что данный институт может оказать существенное влияние на поведение осужденных, их отношение к труду, обучению, т. е. в конечном итоге на исправление и перевоспитание.

Предложение о введении нового порядка условно-досрочного освобождения в виде ступенчатого освобождения было достаточно освещено в печати и получило поддержку большинства откликнувшихся читателей –

ученых и практических работников. Одобрив выдвинутую идею, многие из них предложили разные пути ее реализации.

В то же время была высказана точка зрения, что система освобождения по зачетам, построенная в основном на поощрениях и льготах в зависимости от производственных показателей, имеет весьма ограниченное воспитательное значение, поскольку вырабатывает у осужденных небескорыстное отношение к труду и поведению¹.

По итогам проведенного исследования авторский коллектив ВНИИ в целом и руководство ГУИД МВД СССР высказались за введение зачетов и их распространение на ИТУ всех видов (кроме тюрем) при определенной коррекции правового механизма их действия.

Оценивая результаты эксперимента с учетом поставленных задач, можно констатировать, что в основном был создан дополнительный механизм стимулирования производительности труда осужденных, основанный на их стремлении досрочно освободиться, проведена апробация правового механизма начисления или лишения зачетов и выявлены его недостатки.

Стимулирование исправления осужденного посредством применения поощрений и льгот и, наоборот, наказания, в зависимости от изменений в его поведении, общепризнанно является содержанием прогрессивной системы исполнения лишения свободы. Было бы, на наш взгляд, утопическим обуславливать исправление отсутствием корысти в результате своего труда и поведения, которое, по сути, состоит в стремлении досрочно выйти на свободу. Правильней вести речь о всемерном стимулировании выработки у осужденных такого рода «корысти».

Другое дело, что наряду с производственными показателями обязательно должны учитываться при начислении зачетов и поведение осужденного, и его участие в общественной жизни учреждения, и отношение к общеобразовательному обучению.

Дальнейший этап характеризуется созданием российского уголовного законодательства, осуществляемым после распада СССР, который акцентировал внимание на приоритете общечеловеческих ценностей.

В разработанном проекте Уголовного кодекса, представленном в октябре 1992 г. в Верховный Совет РФ, регулированию вопросов условно-досрочного освобождения была посвящена ст. 71.

Указанная статья проекта предусматривала возможность условно-досрочного освобождения от всех видов наказания, назначаемых на определенный срок, за исключением ареста и привлечения к общественным работам. Основаниями досрочного освобождения являлись: примерное поведение осужденного в период отбывания наказания, добросовестное отношение к труду и фактическое отбытие осужденным от половины до трех четвертей назначенного судом наказания. Отдельно указывалась категория осужденных, к которым УДО не применялось. В случае повторного со-

¹ Киреев М. П. По закону или по справедливости? // Воспитание и правопорядок. 1989. № 8. С. 42–45.

вершения преступления неотбытая часть наказания присоединялась к приговору, назначенному за новое преступление.

Несмотря на тот факт, что указанный проект подвергся значительной критике, его создание предопределило значительный шаг вперед в развитии юридической техники, воспринятый Уголовным кодексом России 1996 г.

Таким образом, осуществленный ретроспективный анализ развития условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отечественном уголовном законодательстве позволяет сделать следующие выводы.

Рассматриваемый нами институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и зачета рабочих дней в том виде, как он существовал, не может быть возрожден в настоящее время. Однако некоторые элементы системы зачетов обладали несомненными достоинствами, что позволяет поставить вопрос об их использовании и сейчас.

Одно из важных достоинств заключалось в том, что система зачетов применялась не одномоментно, а постоянно на протяжении всего срока наказания, в результате чего осужденный ощущал их не как «мечты», которые могут быть реализованы лишь по истечении длительного срока, а как постоянно действующий фактор на ближайшие перспективы.

Существенным дополнением рассматриваемый нами институт был подвергнут после принятия Основ уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик. Так, условно-досрочное освобождение вводится в отношении осужденных к исправительным работам, ссылке, высылке, направлению в дисциплинарный батальон. Его применение стало дифференцироваться в зависимости от характера совершенного преступления и прошлой судимости.

В дальнейшем рассматриваемый институт получил новый импульс при введении условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду. В данной связи следует подчеркнуть, что, на наш взгляд, присутствие в уголовном законе данного правового института заслуживает должного внимания и в настоящее время. Этот правовой институт может послужить основой для разработки альтернативных способов исполнения наказания в виде лишения свободы, имеющих целью «разгрузить» места лишения свободы.

В целом осуществленный ретроспективный анализ возникновения и развития института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания позволил определить историческую закономерность его существования и будет способствовать, на наш взгляд, более глубокому уяснению понятия, целей, задач, функций и принципов правовой природы.

ГЛАВА 2. ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ И КРИТЕРИИ ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Предваряя исследование эффективности применения условно-досрочного освобождения, следует обратить внимание на то, что в уголовно-правовой науке вопрос определения эффективности нормы, института и права в целом решается по-разному.

Долгое время в юридической литературе недостаточно полно отмечались механизмы реализации норм права. Исследования в области уголовного и уголовно-исполнительного законодательства проводились в области конструкции той или иной нормы права, и считалось, что правильно составленная уголовно-правовая норма и не противоречащий сам себе закон решают все проблемы правоприменительной деятельности.

Только в середине 60-х годов XX в. Г. А. Злобин вводит в теорию эффективности уголовного права качественно определенную категорию — цель наказания¹. С этого момента понятие эффективности начинает обретать свое подлинное значение.

Необходимо указать, что среди ученых-юристов нет единства взглядов по вопросу, что следует понимать под эффективностью правовых норм. Одни авторы полностью или частично отождествляют эффективность права с оптимальностью, правильностью, обоснованностью, целесообразностью самих норм². Другие формулируют данное понятие как потенциальную способность права обеспечивать достижение социально полезной и объективно обоснованной цели³, а также оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении⁴. Третьи связывают понятие эффективности правовых норм с результативностью их воздействия⁵.

Большинство исследователей⁶ указывают, что традиционно под эффективностью правовых норм понимаются отношения между фактически достигнутым результатом и той целью, для достижения которой эти нормы были созданы. При этом отдельные авторы справедливо уточняют, что указанные отношения есть не сама эффективность, а лишь формула для ее

¹ Злобин Г. А. О методологии изучения эффективности наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступления: сборник научных трудов. М., 1965. С. 60.

² Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюриздат. 1960. С. 143; Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 31.

³ Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1972. С. 9.

⁴ Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3.

⁵ Шикин Е. П. Основные условия эффективности применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 5.

⁶ Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973; Кузнецова Н. Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973; Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22.

измерения¹. Так, Н. А. Шмаров утверждает, что эффективность правовой нормы определяется тем, насколько ее применение способствует достижению целей, поставленных перед правовым регулированием общественных отношений, что же касается цели, то она достигается тем, что не совершаются деяния, за которые эти нормы предусматривают ответственность. Соответственно, степень приближения фактического результата к цели или удаления от нее предлагается признавать за меру эффективности.

В подтверждение традиционной точки зрения на определение эффективности правовых норм мы можем указать на следующие обстоятельства.

Слово «эффективный» (от латинского *effectus* – действие) означает действенный, оказывающий нужное действие, дающий необходимый, обычно положительный результат². Термин «эффективность» широко используется для характеристики механических, химических, биологических и социальных процессов. Эффективность – одно из основных понятий в науке управления. Под эффективностью в самом общем виде здесь понимается достижение поставленных перед управляемой системой целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.

В связи с этим обоснованно связывать эффективность с полученным результатом. В то же время, для того чтобы оценить свойство такого результата, необходимо сопоставить его с намеченной целью. По этим соображениям представляется верным определение эффективности правовых норм как соотношения между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых такие нормы были приняты. Данное определение, на наш взгляд, приемлемо для характеристики эффективности самых различных правовых комплексов.

Вместе с тем, несмотря на внешнюю логичность предложенного определения, следует признать, что такая трактовка эффективности в праве сталкивается с одной из неразрешенных в юридической науке проблем, связанных с возможностью выделения доли правового эффекта из результата, полученного под воздействием комплекса как правовых, так и не правовых факторов. Причем некоторые авторы вообще ставят под сомнение «возможность вычленения правового эффекта отдельной нормы или института из совокупного результата, полученного соответственно институтом либо отраслью права в целом»³.

Учитывая, что эффективность является свойством целенаправленной деятельности, можно согласиться, что «рассуждая об эффективности юридической нормы, следует перемещать акцент внимания с собственно эффективности этой нормы на эффективность деятельности, урегулированной правом. <...> В процессе определения эффективности этой деятельно-

¹ Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 92.

² Словарь синонимов русского языка. М.: Наука. 1975. С. 645.

³ Дюрягин И. Я. О необходимости нового подхода к разработке проблемы эффективности в уголовном процессе // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки. Ижевск, 1989. С. 43.

сти необходимо отвлекаться от влияния на ее результат факторов неправового характера, т. к. правовая форма действует в общем ряду с иными социальными факторами, что практически исключает ее «чистое» действие»¹.

Так, следует ограничивать эффективность правовых норм от таких свойств их действия, как полезность, экономичность и др. В этой связи небезинтересной будет позиция, занимаемая по данному поводу праксеологами², считающими эффективность и полезность (выгодность) различными свойствами действия (деятельности). В праксеологии под полезностью понимается соотношение намеченных, вторичных и побочных результатов. Эти побочные (т. е. возникшие вне предвидения действующего субъекта), а также вторичные (не основные, но необходимо сопутствующие достижению цели и учитываемые действующим субъектом) результаты могут быть либо полезными, либо вредными. Их отношение к намеченным результатам и характеризует полезность действия³.

Действие правовой нормы порой приводит к результату, который не учитывался законодателем. Он может быть как положительным, так и отрицательным, что повышает или понижает полезность нормы. Но и в том, и в другом случае нельзя судить о полезности правовой нормы лишь по данным о достижении намеченной законодателем цели. Поэтому мы поддерживаем мнение, что «действие правовой нормы в принципе может оказаться социально вредным, хотя и эффективным применительно к достижению планируемой цели»⁴.

Далее, как было указано выше, необходимо разграничивать понятия эффективности правовых норм и экономичности их действия. Некоторые ученые⁵ полагают, что эффективность правовых установлений заключается в достижении поставленной цели с наименьшей затратой материальных средств, человеческой энергии и времени. «Понимание эффективности как достижения результата с минимальными затратами широко применяется в различных областях общественной жизни. Нет оснований для того, чтобы избегать этого показателя и при оценке эффективности действия норм права»⁶. И в данном случае представляется наиболее верной позиция праксеологов, считающих экономичность самостоятельным, отличным от эффективности свойством действия управленческих решений⁷. Экономичность правовой нормы – это соотношение абсолютной ценности получен-

¹ Андрищенко М. Н. Понятие эффективности и ее философский смысл // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12. Философские и социологические исследования. Л., 1971. С. 46.

² Практиология – наука о действии безотносительно к тому, где оно осуществляется.

³ Зеленецкий Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. М.: Прогресс, 1971. С. 122.

⁴ Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1960. С. 59.

⁵ Кузнецов Ф. Т., Подымов П. Е., Шмаров И. В. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М.: Юридическая литература, 1968. С. 65.

⁶ Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 45.

⁷ Зеленецкий Я. Указ. соч. С. 129.

ного результата и абсолютной величины произведенных затрат. Поэтому за основу можно взять утверждение, что «норма права может быть эффективной, т. е. в той или иной мере приближать нас к намеченной цели, но отнюдь не экономичной, поскольку затраченные при этом денежные средства не окупаются»¹.

Следует отметить, что определить экономичность правовых норм очень сложно, а иногда и невозможно. Это объясняется, в частности, тем, что полученный результат и произведенные затраты часто нельзя выразить в соизмеримых материальных единицах.

В литературе эффективность и социальная ценность правовых норм иногда не разграничиваются. Так, по мнению О. В. Смирнова, «эффективность права определяется его результативностью в смысле придания общественным отношениям такого направления развития, которое более всего отвечает интересам <...> государства»². Некоторые ученые, различая эти свойства действия правовых норм, неразрывно связывают их друг с другом, полагая, что эффективна лишь та норма, которая способствует достижению объективно обоснованной цели³. Думается, что это не совсем верно. Правы те авторы, которые положительный оценочный момент относят не к эффективности, а к поставленной цели⁴. Поэтому эффективной необходимо признавать всякую норму, если она позволяет достичь намеченной цели. Из такого понимания эффективности правовых норм логически следует, что критерием⁵ ее является цель, для достижения которой была создана норма⁶.

В данной связи обоснованной представляется точка зрения С. Н. Сабанина о том, что в своих основных чертах цели института освобождения от наказания совпадают с целями наказания⁷. Применением наказания и освобождением от него законодатель стремится достичь общего предупреждения преступлений, предупреждения новых преступлений лиц, уже совершивших преступление и их исправления. Специфическими же целями, обусловившими введение в законодательство института освобождения от наказания, являются гуманизация, экономия мер государственного принуждения и индивидуализация ответственности. Здесь же необходимо отметить, что указанные цели достигаются самим фактом

¹ Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1960. С. 65.

² Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М.: Юридическая литература, 1968. С. 20.

³ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 253.

⁴ Тоболкин П. С. Понятие эффективности норм советского уголовного права // Проблемы эффективности уголовного закона. Вып. 37. Свердловск: СЮИ, 1975. С. 17–27.

⁵ Критерий – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило суждения, оценки. См.: Словарь современного русского литературного языка. М., 1965. С. 1664.

⁶ Кузнецова Н. Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона. М.: Юридическая литература, 1973. С. 38–39.

⁷ Сабанин С. Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 52.

их применения. Поэтому в основу изучения эффективности рассматриваемого института должны быть положены специальные непосредственные цели – предупреждение новых преступлений освобожденных и их исправление¹.

О достижении поставленной цели позволяют судить определенные показатели². Показателем достижения частной превенции служит несовершение нового преступления лицом, освобожденным от наказания. Совершение же указанным лицом нового преступления является показателем неэффективности примененного института. Однако необходимо иметь в виду, что «предположение о прямой связи между рецидивом и состоянием уголовного и исправительно-трудового законодательства и практики применения закона в большинстве случаев ошибочно как фактически, так и политически: оно не учитывает влияния на рецидив ряда других социальных факторов и вытекает из преувеличения роли и возможностей уголовного права в борьбе с преступностью, по сути дела приписывает ему в этой области решающую роль»³. Поэтому когда затрагиваются вопросы о повторном совершении преступлений как показателе неэффективности, повторность нужно рассматривать лишь в той мере, в какой она является результатом несовершенства действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Совершенно очевидно, что эффективность правовых норм зависит от целого ряда объективных и субъективных условий, относящихся как к самому праву, так и к сфере его применения. Анализ эффективности института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания с этой позиции показывает, что она зависит от совершенства законодательной регламентации норм о досрочном освобождении; правильного применения их на практике; надлежащей организации исполнения принятых решений. По этим трем направлениям и следует изучать вопросы эффективности нормы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

¹ В данной связи необходимо отметить, что по ранее действовавшему уголовному законодательству одной из основных целей было перевоспитание. Как воспитательный процесс исправление и перевоспитание по характеру, методам и средствам воздействия ничем друг от друга не отличаются. «Искоренение отрицательных свойств личности и воспитание положительных свойств – это не разные стадии, этапы исправления, а две стороны одного и того же процесса. См.: Ременсон А. Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 1965. С. 19. Как цель соответствующего воздействия исправление представляет собой изменение взглядов и привычек человека, которое исключает совершение им новых преступлений хотя бы из страха перед наказанием. Перевоспитание есть коренная перестройка индивидуального сознания правонарушителя, свойств его характера, в результате чего он уже не только не совершает преступлений по внутреннему убеждению, а не из страха перед наказанием, но и становится сознательным тружеником.

² «Критерии эффективности <...> нельзя смешивать с показателями. <...> Каждому критерию эффективности <...> должны соответствовать определенные показатели». См.: Шмаров И. В. Критерии и показатели эффективности наказаний // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 62.

³ Никифоров Б. С. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1974. С. 10.

Так, первое необходимое условие эффективности любой правовой нормы – ее четкое законодательное закрепление. Степень совершенства рассматриваемого нами института можно определять с точки зрения соответствия его социально-экономическим, политическим, организационным условиям, в которых он действует, с точки зрения его формы (вопросы юридической техники) и т. д.

Вторым условием эффективности УДО является правильное применение их компетентными органами. «Вполне понятно, что самая совершенная правовая система может оказаться малоэффективной, если ее нормы неверно применяются или не применяются вообще»¹. Поэтому одним из путей повышения эффективности института досрочного освобождения от уголовного наказания является совершенствование практики их применения.

И третьим обязательным условием эффективности является надлежащая организация исполнения принятых решений об освобождении. Как справедливо отмечает М. И. Ковалев, «можно иметь хорошую правовую систему и безупречный судебный аппарат, но если плохо организовано исполнение приговоров и решений судебных органов, то настоящего эффекта она не даст»².

Вышеизложенное позволяет констатировать, что совершенствование практики применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, законодательное закрепление периода испытания освобожденных и надлежащая организация принятых решений являются необходимыми условиями повышения эффективности рассматриваемого института.

¹ Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона. Свердловск, 1975. С. 7.

² Там же.

ГЛАВА 3. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Уяснение правовой природы любого института предполагает выявление предпосылок его возникновения, анализ юридического содержания, определение места и роли в системе других правовых институтов, установление их сходства, различий и взаимосвязи. Решение указанных вопросов имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, предопределяет пределы и порядок законодательного регламентирования правил его применения.

В юридической литературе относительно правовой природы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания высказаны различные мнения. Л. Е. Орел полагал, что юридическая природа условно-досрочного освобождения – это и есть его сущность, определенная законом¹. В данном случае, на наш взгляд, происходит подмена понятия «сущность» его «явлением» по конкретному содержанию. Другими словами, правовые предпосылки, закономерности возникновения и функционирования института необоснованно отождествляются с их внешними проявлениями. Данная замена затрудняет правильное определение места и роли УДО в системе других сходных правовых явлений, подчиненных единой цели, а также изучению его эффективности и дальнейшему совершенствованию правового регулирования.

Согласно ст. 79 УК РФ условно-досрочное освобождение от отбывания наказания применяется к осужденным, если судом будет признано, что для своего исправления они не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда.

Сущность этого института состоит в том, что такой осужденный досрочно освобождается от наказания не безусловно и окончательно, а условно. Это означает, что закон допускает освобождение лица от наказания лишь под условием соблюдения им определенных требований, предупреждая в противном случае привести в исполнение (полностью или частично) неотбытое наказание. Однако как соблюдение этого требования, так и угроза реального исполнения ограничены законом определенным отрезком времени – сроком неотбытого наказания. Отсюда следует, что:

- во-первых, неотбытая осужденным часть срока наказания превращается, по сути, в испытательный срок;
- во-вторых, приговор суда, исполнение которого прекращено досрочно, теряет свою силу не со дня освобождения лица от наказания, как это имеет место при безусловном досрочном освобождении, а со дня исте-

¹ Орел Л. Е. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1966. С. 5.

чения испытательного срока. Только с этого момента угроза реального исполнения неотбытого наказания утрачивает свою силу, и поэтому окончательно отпадает возможность отбывания его освобожденным.

Хотя данное определение и выражает содержание указанного института, оно все же не охватывает полностью некоторых других важных сторон понятия условно-досрочного освобождения, не дает четкого представления об его правовой природе. Мы не разделяем мнения Ю. М. Ткачевского, который не видит необходимости в выработке «каких-либо особых определений понятия условно-досрочного освобождения...»¹. Этого требует отсутствие единства во взглядах на его правовую природу, а также некоторые пробелы и недостатки в правовом регулировании и применении института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Указанный вопрос не получил однозначного разрешения в науке. Сложность данной проблемы объясняется тем, что УДО регулируется тремя отраслями права: уголовным, уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным. Уголовным законодательством определяется сущность условно-досрочного освобождения, т. е. основания применения института, требования, предъявляемые к поведению освобождаемых в период испытательного срока, последствия их неисполнения, а также круг наказаний, от которых возможно условно-досрочное освобождение. Уголовно-исполнительным законодательством регламентируются порядок обращения с ходатайством об освобождении, система подготовки к УДО и наблюдения за осужденными. Уголовно-процессуальным законодательством определяется порядок представления осужденного к УДО и рассмотрения судом этих представлений.

Каковы же причины того, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания носит межотраслевой характер, какова его правовая природа?

Одни авторы рассматривают условно-досрочное освобождение в качестве одного из способов отбывания наказания, наделяя его чертами карательного института, определяя как заключительное звено прогрессивной системы лишения свободы², заключительную стадию лишения свободы³, одну из форм относительно-неопределенного приговора⁴, корректирование приговора и особую форму сокращения наказания⁵. Другие, напротив, отрицают его значение как карательной меры, видя в нем поощрение⁶.

¹ Ткачевский Ю. М. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962. С. 7.

² Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых колониях. Л., 1963. С. 141.

³ Ефимов М. А. Некоторые вопросы условно-досрочного и досрочного освобождения // Правоведение. 1958. № 1. С. 88.

⁴ Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 356.

⁵ Уголовный кодекс РСФСР. Научно-популярный практический комментарий / под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Право и жизнь, 1925. С. 72.

⁶ Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена наказания более мягким: дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964. С. 7–8.

Известно, что в первой половине XIX века в Австралии была создана марочная, или звездная, прогрессивная система отбывания лишения свободы, согласно которой данное наказание отбывалось по трем ступеням: одиночное заключение, совместное заключение и условно-досрочное освобождение. Последнее сопровождалось строжайшим надзором за условно-досрочно освобожденными и многочисленными ограничениями их прав и свобод. По мнению создателя данной тюремной системы Мэконочи, это свидетельствовало о продолжении отбывания наказания условно-досрочно освобожденным. И в нашей юридической литературе можно столкнуться с мнением о том, что УДО является заключительным звеном, или элементом прогрессивной системы наказания, сопряженной с изменением условий исполнения наказаний в зависимости от поведения лица¹. В данном случае мы согласны с Ю. М. Ткачевским и считаем подобное мнение ошибочным, поскольку при применении УДО прекращается реальное исполнение основного наказания, следовательно, отпадает возможность использования прогрессивной системы исполнения наказания².

В то же время необходимо отметить, что по мнению Д. П. Водяникова и Л. В. Кузнецовой, признание условно-досрочного освобождения заключительным звеном в прогрессивной системе отбывания лишения свободы не исключает определения его юридической природы в уголовном праве как вида освобождения от наказания³.

В юридической литературе имеются и иные взгляды о сущности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Одно из них сводится к утверждению, что УДО по своей правовой природе представляет собой последнюю, заключительную стадию лишения свободы. «Условно-досрочное освобождение является карательным средством, поскольку оно создает для условно-освобожденного особое положение, налагает на него обязанность соблюдения тех или иных условий и обращает к нему специальную угрозу обратного возвращения в карательное учреждение, и поэтому оно является конечной стадией в отбывании наказания лишением свободы, при котором тюремный режим прекращается и заменяется психическим»⁴. Указанную позицию защищал также М. А. Ефимов, который писал, что «условно-досрочное освобождение должно быть последней, заключительной стадией при отбывании лишения свободы, ссылки и исправительных работ»⁵.

Представляется, что взгляд этот является теоретически несостоятельным, а практически приводит к неправильным, противоречащим зако-

¹ Бажанов О. И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981. С. 69–70.

² Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 131–132.

³ Водяников Д. П., Кузнецова Л. В. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким. М., 1981. С. 7.

⁴ Пионтковский А. А. Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование. Казань, 1900. С. 134–137.

⁵ Ефимов М. А. Условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким. Свердловск, 1969. С. 4.

ну выводам. Так, если условно-досрочно освобожденное лицо продолжает «отбывать» наказание и после его освобождения, то из этого следует, что в случае его осуждения за совершение в течение испытательного срока нового преступления, присоединению подлежит лишь та часть из прежнего наказания, которая не была «отбыта» во время испытательного срока. Срок же наказания, истекший со дня вынесения судом определения об УДО до дня совершения освобожденным нового преступления, не подлежит присоединению, т. к. считается «отбытым» в период испытательного срока. При таком положении срок этот теряет свое юридическое и практическое значение и по существу сводится на нет. На самом же деле это не так. УДО по действующему законодательству есть приостановление исполнения наказания ввиду утраты осужденным общественной опасности и возникшей на этой основе возможности его окончательного исправления без полного отбытия наказания под определенными требованиями. Следовательно, оставшаяся часть наказания при УДО осужденный реально не отбывает.

Угроза присоединением оставшейся части наказания в случае нарушения указанных в законе требований не может рассматриваться как стадия (даже заключительная или конечная) в отбытии наказания, т. к. никакого наказания в период испытательного срока осужденный не отбывает. Прав Ю. М. Ткачевский, указывая, что, если согласиться с вышеуказанной точкой зрения М. А. Ефимова, то «во всех случаях осуждения условно-досрочно освобожденного за совершение им во время испытательного срока нового однородного или не менее тяжкого преступления, это лицо будет дважды частично отбывать наказание за одно и то же преступление»¹.

Укажем также, что признание УДО заключительной стадией исполнения наказания, а освобожденного условно-досрочно – отбывающим наказание в течение оставшейся части срока, не согласуется с прямыми указаниями закона о порядке и сроках погашения судимости при условно-досрочном освобождении от наказания.

Если УДО – стадия исполнения наказания, а условно-досрочно освобожденный продолжает отбывать наказание, то сроки погашения судимости следовало бы исчислять с момента окончания календарного срока наказания, первоначально установленного приговором суда. Но такое решение вопроса противоречит положению, закрепленному в ч. 4 ст. 86 УК РФ, согласно которому срок погашения судимости исчисляется из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказания.

Рассматривая УДО от наказания как карательное средство, как одну из стадий отбывания наказания, сторонники этого взгляда обычно обращают внимание на то, что воспитательное воздействие неразрывно связано с принудительной, карательной стороной наказания. Они признают,

¹ Ткачевский Ю. М. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962. С. 10–12.

что после досрочного освобождения лицо подвергается каре и воспитательному воздействию.

Примечательным в этой связи будет мнение А. Л. Цветиновича: «Анализ правового положения условно-досрочно освобожденного в период неотбытой им части наказания позволяет сделать вывод, что к нему применяется уголовно-правовое принуждение, причиняющее ему определенные страдания, т. е. являющееся карой. <...> Возложение на условно-досрочно освобожденного обязанностей означает принуждение его к положительному поведению под угрозой правовых санкций. Принуждение при условно-досрочном освобождении заключается в угрозе реального применения неотбытой части наказания, от которой осужденный освобожден в случае совершения им нового умышленного и повлекшего осуждение на лишение свободы преступления. Положение условно освобожденного отличается в этом отношении от положения всех остальных граждан тем, что он находится под угрозой в случае совершения нового преступления подвергнуться наказанию не только за него, но и неотбытой части наказания по прежнему приговору»¹.

По нашему мнению, угроза присоединения неотбытой части наказания не может быть отнесена к явлениям, охватываемым содержанием кары. Освобожденный условно-досрочно меняет свой статус и становится гражданином, может совершать множество определенных действий, которые он не мог совершать в период реального исполнения наказания. Данное положение выходит за рамки исполнения наказания, под которым следует понимать урегулированный нормами уголовно-исполнительного права порядок применения мер государственного принуждения – комплекса ограничений прав и свобод осужденного.

Таким образом, карательное воздействие и принудительные методы воспитания к условно-досрочно освобождаемому в период неотбытой части наказания неприемлемы и противоречат действующему законодательству, но это вовсе не означает, что освобожденный не нуждается в каком-либо воздействии.

Необходимо добавить, что в последние годы произошло принципиальное изменение системы и характера наказаний в отечественном праве. В систему наказаний включены новые виды, а почти каждый ранее известный вид наказания пополнился новым содержанием. В УК РФ при закреплении целей наказания снято упоминание о каре, что является дополнительным аргументом в пользу высказанного нами мнения.

Некоторые криминалисты при анализе юридической природы условно-досрочного освобождения исходят из признания его институтом уголовно-исполнительного, а не уголовного права. Так, ряд авторов предлага-

¹ Цветинович А. Л. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву. М., 1973. С. 32–33.

ет рассматривать правовую природу УДО как меру поощрения¹, а нормы об этом освобождении – как поощрительные нормы права².

Правильное разрешение вопроса о том, является ли условно-досрочное освобождение от отбывания наказания поощрением, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. При анализе правовых норм гражданского и трудового законодательства Российской Федерации отказ в премиальном вознаграждении (т. е. в применении конкретной, определенной поощрительной меры, эквивалентной определенным показателям) обеспечивается судебной защитой прав заинтересованных лиц, поскольку обязанность администрации применить поощрительную меру корреспондирует праву трудящегося получить это вознаграждение.

Поощрение вообще есть «одобрение, стимулирование какой-либо деятельности человека, возбуждение желания, охоты к чему-либо»³, «публичное признание заслуг, награждение, оказание общественного почета рабочим и служащим в связи с достигнутыми ими успехами в процессе выполняемой работы»⁴.

Ряд ученых утверждает, что УДО признается субъективным правом осужденного. Так, С. Я. Улицкий пишет: «Условно-досрочное освобождение является правом осужденного, возникшим из факторов исправления и отбытия определенной в законе части наказания»⁵. При этом автор сам справедливо замечает, что против предложенного им определения могут быть возражения.

Действительно, данная точка зрения может быть оспорена. Право осужденного на УДО можно рассматривать в качестве элемента уголовно-исполнительных правоотношений, субъектами которых являются осужденный и государство в лице исправительного учреждения⁶. При двусторонних правоотношениях у каждой из сторон возникают взаимные встречные права и обязанности. В свою очередь считаем необходимым добавить, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания относится к законным интересам осужденного. Здесь нет субъективного права, поскольку его исключает наличие в законе материальных оснований, достаточность которых определяет только суд.

¹ Улицкий С. Я. Некоторые теории юридической природы условно-досрочного освобождения в советском праве // Ученые записки Дальневосточного ун-та. Т. 14. Юридические науки. Владивосток, 1978. С. 89–90; Тарханов И. А. Личность преступника и индивидуализация наказания // Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980. С. 147–148.

² Баранов В. И. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 63.

³ Даль В. Толковый словарь. Т. 1. М., 1935. С. 611.

⁴ Каринский С. Поощрения за успешный труд по советскому праву. М., 1961. С. 10.

⁵ Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964. С. 8.

⁶ Обращая внимание на это обстоятельство, еще А. Ф. Кони указывал, что «условно-досрочное освобождение есть своего рода право арестанта, добываемое таким поведением, которое дает уверенность в будущем добропорядочном образе его жизни. Оно требует взаимодействия и арестанта и тех лиц или учреждений, которые прикосновенны к тюремному делу и которым принадлежит почин в вопросе о досрочном освобождении». См.: Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан (Собор. Узак. 1909 г. № 126. Ст. 1216) / под ред. Д. А. Коптева. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie49445.html>

Среди ученых-юристов актуальным остается вопрос о том, является ли применение условно-досрочного освобождения правом или обязанностью суда?

В то же время в уголовном законодательстве, действовавшем до принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», устанавливалось, что при наличии соответствующих условий УДО «может быть применено» к осужденным, т. е. это право, а не обязанность суда. Это положение многими истолковывалось как отсутствие обязанности суда применять условно-досрочное освобождение во всех случаях, когда будет установлено наличие соответствующих оснований. Иными словами выражение закона «может быть применено» соответственно понималось как «может быть и не применено». Подобная точка зрения не основывалась на законе, более того она противоречила ему.

Выражение закона «может быть применено» и «действующая регламентация подлежит условно-досрочному освобождению» означают, во-первых, альтернативу применения либо УДО, либо замены наказания более мягким; во-вторых, право суда отказать осужденному в УДО, если не будет установлено его исправление. Так, при ходатайстве осужденного об УДО у суда возникает обязанность, предусмотренная законом, в обязательном порядке рассмотреть данное представление и только после этого с учетом мнения администрации принять решение о наличии или отсутствии формальных и материальных оснований досрочного освобождения данного лица от отбывания наказания.

Существует еще одна точка зрения, согласно которой природа условно-досрочного освобождения подрывает стабильность приговора и вносит в него свои коррективы. Так, Э. Т. Борисов указывал, что любое досрочное освобождение от наказания в определенной мере нарушает стабильность приговора, по каким бы основаниям такое освобождение ни применялось. Во всех этих случаях осужденный либо перестает отбывать назначенное судом наказание, либо отбывает его в иной форме, чем постановлено приговором – следовательно, приговор не оказывается устойчивым¹.

В данном случае автор согласен с мнением, что «...неверным является утверждение некоторых практических работников и ученых о том, что институт условно-досрочного и досрочного освобождения колеблет стабильность приговора. Если условно-досрочное и досрочное освобождение осуществилось в сроки, предусмотренные законом, и освобождается лицо, которое исправилось, окупило вину, то приговор сохраняет свою стабильность, т. к. задачи, стоящие перед наказанием, решены»².

¹ Борисов Э. Т. Основания условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким: дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1969. С. 184.

² Ткачевский Ю. М. Указ. соч. С. 30.

Постановление об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания изменяет приговор в части избранной судом меры наказания. Существует точка зрения, что акты суда первой инстанции, изменяющие наказание в процессе его исполнения, не затрагивают обвинительного приговора и не вносят в него никаких коррективов. Так, И. Д. Перлов полагал, что «изменить приговор может только вышестоящий суд в порядке кассационного или надзорного производства. Суд же, решающий вопрос об УДО, не входит в оценку назначенного наказания, а освобождает осужденного от дальнейшего отбывания наказания. Сам же приговор и назначенная им мера наказания остаются без изменений»¹.

В то же время суд не опровергает ни виновности лица, ни справедливости наказания, хотя и вносит существенные изменения в порядок и сроки его фактического исполнения. Стабильность приговора нельзя понимать так, что осужденный во всех случаях должен отбыть полностью срок наказания, назначенный судом. И если эффект достигнут ценою сокращения назначенного судом срока наказания, то это не только не подрывает устойчивость приговора, но и свидетельствует об успешности его исполнения.

Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением о том, что при условно-досрочном освобождении приговор и назначенная им мера наказания остаются без изменения, равно как и с тем, что приговор в рассматриваемых случаях считается приведенным в исполнение².

Применение условно-досрочного освобождения в точном соответствии с законом хотя и не влечет за собой нарушения силы и авторитета приговора, все же вносит существенные изменения в порядок и сроки фактического исполнения наказания, тем самым объективно изменяет приговор, резолютивную его часть. Если поведение осужденного и его отношение к возложенным обязанностям свидетельствуют о том, что цели наказания достигнуты, отбывание им всего установленного приговором срока наказания нецелесообразно.

Таким образом, поскольку досрочное освобождение объективно вносит определенные изменения в резолютивную часть приговора, то утверждение И. Д. Перлова, что приговор и назначенная им мера наказания в указанном случае остаются без изменения, не соответствует действительности.

Нуждается в существенной оговорке и приведенное выше утверждение Б. А. Филимонова о том, что при досрочном освобождении приговор считается приведенным в исполнение. Определение суда о наказании можно считать выполненным, а приговор — приведенным в исполнение только при безусловном досрочном освобождении. Что же касается УДО, то такое утверждение является ошибочным, т. к. хотя наказание реально и

¹ Перлов И. Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 100.

² Филимонов Б. А. Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. М., 1965. С. 50.

не отбывается, но остается угроза его отбытия. Стало быть, приговор еще не исполнен, он только приостановлен.

Ю. М. Ткачевский утверждает, что приговор, в данном случае, продолжает приводиться в исполнение, т. к. течет испытательный срок¹.

Отметим, что исполнение приговора при УДО фактически приостанавливается в связи с нецелесообразностью дальнейшего исполнения его, т. к. осужденный исправился. Течение же испытательного срока при досрочном освобождении, на что ссылается Ю. М. Ткачевский, в данном случае объясняется тем, что это входит в содержание условия освобождения. В законе сказано – «в течение оставшейся не отбытой части наказания». Следовательно, в самом условии освобождения предусматривается истечение испытательного срока через определенный период.

Суммируя сказанное, следует прийти к выводу, что при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания существо (законность и справедливость) приговора не затрагивается, но исполнение его приостанавливается.

Нельзя определить УДО и как способ корректирования приговоров и сокращения наказания. По существу суд, применяя указанное освобождение, приговор не изменяет, не корректирует его. Он не решает вопросы, относящиеся к назначению наказания, а, установив наличие необходимых предпосылок и оснований (оговоренных в законе), освобождает осужденного от дальнейшего отбывания наказания. Таким образом, при таком освобождении приговор не изменяется, а наказание не сокращается, суд решает вопрос о достижении целей наказания и, если находит, что они достигнуты досрочно, применяет условно-досрочное освобождение.

Отрицание за условно-досрочным освобождением карательных свойств – основной аргумент против тех точек зрения на его правовую природу, основой которых является представление о нем как о карательном институте. В связи с этим критика взглядов на УДО как на корректирование приговора и нарушение его стабильности как на составную часть системы неопределенных приговоров представляется нам обоснованной. Однако на последнем сопоставлении необходимо остановиться особо.

Сущность неопределенных приговоров состоит в том, что суд выносит обвинительный приговор без точно фиксированного времени заключения², а право определения размера наказания изымается из конституционных судов и передается несудебному органу, обычно тюремной администрации³.

Уголовному законодательству известно несколько форм неопределенного приговора, отличающихся способом определения срока наказания. Необходимо отметить, что неопределенный приговор рассматривался как

¹ Ткачевский Ю. М. Указ. соч. С. 9.

² Lindsey E. Indeterminat Sentence and Parole system. Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology. Vol. XVI. № 1. May, 1925. P. 9.

³ Коллисон Э. Неправосудные суды. М., 1961. С. 278.

дальнейшая модификация УДО. В частности, институт неопределенных приговоров развивался вслед за «parol system»¹, т. е. за условно-досрочным освобождением.

В подтверждение такой точки зрения указывалось, что при УДО не сохраняется стабильность приговора суда. Кроме того, «система неопределенных приговоров строится на абсолютно неопределенных санкциях наказаний и на произволе в выработке так называемых «правил поведения», предъявляемых к освобожденному». В случае же условно-досрочного освобождения лица, не исправившегося, «особого вреда от этого проистечь не может, т. к. общество от этого не проиграет (всегда возможно возвращение его в тюрьму)»².

Э. Я. Немировский полагал, что благодаря условно-досрочному освобождению всякий приговор в отношении лица, к которому оно будет применено, получает известную неопределенность³.

Другие авторы, в частности А. А. Пионтковский, считали, что институт УДО фактически вводит в законодательство о наказании в области его применения систему относительно неопределенного приговора⁴.

Такие определения противоречат действительности. Продление срока наказания, возможность которого была ранее закреплена в законодательстве, по своей сущности является карательным средством и имеет значение общепредупредительной меры устрашающего характера. В отличие от этого УДО выполняет задачу прекращения карательного воздействия на осужденного ввиду его исправления. Мы согласны, что неопределенность при УДО, которую некоторые авторы видят в сокращении срока наказания, ранее установленного судом, чисто внешнее сходство с той неопределенностью, что вытекает из норм о продлении срока наказания, т. к. ни по основаниям возникновения, ни по своей сущности они не совпадают⁵.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания принято рассматривать как единое правовое явление. Но на самом же деле в ст. 79 УК РФ установлено два вида такого освобождения: полное и неполное (частичное). Полным условно-досрочное освобождение будет в том случае, когда осужденный отбывал только основное наказание. В подобной ситуации невозможно условно-досрочно освободить от части неотбытого основного наказания, а другую часть оставить для реального исполнения. УДО относится к неотбытой части основного наказания в целом. Полным будет и условно-досрочное освобождение осужденного от основного и всего дополнительного наказания. Если же при принятии решения об УДО судом применяется частичное освобождение от дополнительного наказания, то его оставшаяся часть исполняется реально. Параллельно осуществляемое освобождение

¹ Lindsey E. Op. cit. P. 71.

² Люблинский П. И. На смену старого права. Петроград, 1915. С. 379, 383.

³ Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Части Общая и Специальная. Одесса, 1924. С. 214–216.

⁴ Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1928. С. 302.

⁵ Носенко А. М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы. М., 1974. С. 25.

ние и реальное исполнение части дополнительного наказания – это неполное применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Отдельно вопрос об условно-досрочном освобождении от дополнительного наказания поставлен быть не может. Исчисление срока дополнительного наказания в виде права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью начинается с момента освобождения лица от основного наказания, то есть с момента вынесения постановления суда. Однако следует учесть, что действие дополнительного наказания распространяется на протяжении всего срока основного наказания, а фактическое его исполнение закон относит на момент освобождения от основного.

Неотъемлемым атрибутом условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является испытательный срок.

Одним из первых российских ученых, обративших в 1894 г. внимание на неточность термина «условное осуждение» и предложивших именовать новый уголовно-правовой институт «система испытания» (по аналогии с возникшим в 1869 г. в Северной Америке в штате Массачусетс институтом «probation system»), является А. А. Пионтковский¹. В настоящее время отечественные ученые в своих исследованиях периодически употребляют термин «испытание», имея в виду возложение на осужденного определенных обязанностей (запретов и предписаний) под угрозой отбывания наказания в случае уклонения от их исполнения².

О. Ф. Шишов отмечал, что условность этого вида освобождения состоит в том, что освобожденному устанавливается испытательный срок, в течение которого он обязан доказать свое исправление и не совершать нового умышленного преступления³.

К. В. Михайлов выделяет следующие отличительные особенности периода испытания:

- 1) он специально не назначается;
- 2) его размер не закреплен в законе;
- 3) равен оставшейся после условно-досрочного освобождения неотбытой части наказания, назначенного по приговору суда;
- 4) до истечения этого срока суд не может принять решение о досрочной отмене условно-досрочного освобождения и о снятии с осужденного судимости⁴.

В силу противоречивости восприятия теорией уголовного права испытание до сих пор не получило статуса самостоятельного правового института.

¹ Пионтковский А. А. Избранные труды. Т. 1. Казань, 2004. С. 35.

² Нечепуренко А. Роль руководящих разъяснений Верховного Суда РФ в совершенствовании практики уголовного испытания // Уголовное право. 2009. № 2. С. 52.

³ Курс уголовного права. В 6 т. Т. 3. М., 1970. С. 262.

⁴ Михайлов К. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: проблемы и перспективы уголовно-правового регулирования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й международной науч.-практич. конф. М., 2009. С. 278–279.

Следует подчеркнуть, что обращения Верховного Суда СССР к проблемам уголовного испытания носили не эпизодический, а системный характер. Такие разъяснения давались по практике применения всех разновидностей уголовного испытания, возлагаемых на осужденных. Причем по некоторым разновидностям испытания это делалось неоднократно в течение достаточно небольшого промежутка времени до тех пор, пока не достигался желаемый правоприменительный результат. Так, по практике применения УДО в 1963–1971 гг. было принято пять постановлений Пленума Верховного Суда СССР (от 4 марта 1961 г. № 2; от 29 марта 1962 г. № 4; от 18 декабря 1963 г. № 19; от 11 октября 1965 г. № 7; от 19 октября 1971 г. № 9)¹.

К сожалению, действующее постановление Пленума от 21 апреля 2009 г. № 8 не предусматривает, как должна определяться продолжительность испытательного срока. По-видимому, нужно исходить из формулы, в соответствии с которой продолжительность срока равна неотбытой части наказания.

Так, ранее действующий Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 19 октября 1971 г. № 9 «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных и замены неотбытой части наказания более мягким» указывал, что суды не должны устанавливать какой-либо испытательный срок, поскольку таким сроком является неотбытая часть наказания. В связи с этим в определении об условно-досрочном освобождении необходимо указывать не отбытую часть наказания, от отбытия которой осужденный освобождается.

Некоторые авторы усматривают в этом несовершенство законодательства и даже парадоксальность складывающейся ситуации. Чем опаснее совершенное преступление и сам осужденный и, следовательно, чем большую часть срока наказания он должен отбыть, тем относительно меньше испытательный срок. Более того, если осужденный не сразу по истечении минимально необходимой части срока доказал свое исправление и был освобожден позднее, то его испытательный срок также уменьшается. Для исправления подобного положения они предлагают предоставить суду право назначать испытательный срок независимо от величины неотбытой части наказания².

Л. В. Иногамова-Хегай считала возможным разрешить данную ситуацию путем предоставления суду права самостоятельно устанавливать продолжительность испытательного срока в рамках минимального и максимального пределов, которые следует закрепить в законе. Истечение испытательного срока должно было признаваться условным основанием освобождения от ответственности, дающим суду право выносить решение

¹ Нечепуренко А. Указ. соч. С. 54.

² Ткачевский Ю. М. Указ. соч. С. 86.

об освобождении осужденного от обязанностей или о продлении испытания на срок до 6 месяцев¹.

Некоторые авторы предлагали конкретные периоды испытания, в пределах которых суд имел право выбора: А. Л. Цветинович² – трехкратная величина неотбытой части; А. М. Носенко³ – от 1 года до 3 лет; С. Г. Барсукова⁴ – за преступления небольшой тяжести – от 6 месяцев до 1 года, за преступления средней тяжести – от 1 года до 3 лет, за тяжкое преступление – от 2 до 5 лет, за особо тяжкое преступление – от 3 до 7 лет.

Приведенные суждения нельзя признать абсолютно верными. Так, основное содержание испытательного срока при УДО видится нам в закреплении позитивных результатов, в проверке правильности вывода суда о фактическом исправлении бывшего преступника. По этой причине установление при УДО самостоятельного испытательного срока нельзя считать справедливым.

Главная мысль законодателя заключается не в том, чтобы в зависимости от тяжести совершенного преступления и вреда, которое оно причинило, назначить определенный по времени испытательный срок. Главное, чтобы время, отведенное ему для приобретения права на УДО, было достаточным для его исправления. В конечном итоге это и должно послужить основанием для уверенности суда в том, что осужденный заслуживает это право.

Допустим, лицо совершило тяжкое преступление, за которое ему судом назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 8 лет. По отбытии 6-ти лет суд счел возможным применить к нему условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и назначил самостоятельный, как предлагает Ю. М. Ткачевский, испытательный срок⁵. По его истечении суд пришел к выводу, что осужденный так и не исправился, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания к нему было применено ошибочно, и он должен быть возвращен в место лишения свободы для отбывания оставшейся части наказания (2 года). Таким образом, осужденный окончательно будет освобожден от наказания лишь по истечении еще 2-х лет после прохождения испытательного срока.

В результате такого «гуманного» подхода реальная длительность наказания увеличивается, а ведь с этим будут связаны и иные правовые последствия, например, погашение либо снятие судимости. При реализации приведенных предложений условно-досрочно освобождаемые могут попасть в значительно худшее положение даже по сравнению со злостными нарушителями режима отбывания наказания. Поэтому сложившийся поря-

¹ Хегай Л. В. Испытательный срок при условно-досрочном освобождении от наказания // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1982. № 4. С. 56–57.

² Цветинович А. Л. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 19.

³ Носенко А. М. Указ. соч. С. 137.

⁴ Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2000. С. 127.

⁵ Ткачевский Ю. М. Указ. соч. С. 93.

док определения длительности испытательного срока при УДО вряд ли нуждается в изменении.

Отдельного внимания требует проблема, которая может возникнуть при применении УДО в отношении осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы, т. к. в данной ситуации точную продолжительность испытательного срока определить невозможно. На первый взгляд, исходя из текста закона при реализации ч. 5 ст. 79 УК РФ неотбытая часть наказания (срок испытания) носит пожизненный характер. Однако это не так.

Безусловно, всю жизнь поведение условно-досрочно освобожденного контролировать невозможно, но буквальное толкование текста закона не позволяло сделать соответствующий вывод¹.

С. Я. Улицкий в данном случае предлагал устанавливать для подобной категории лиц испытательный срок в размере от 2 до 5 лет, а суду предоставить право на его продление на срок от 1 года до 3 лет (в зависимости от характера совершенного деяния, личности виновного и оставшегося испытательного срока)², а С. В. Маликов – 10 лет³.

В данном случае, на наш взгляд, следует согласиться с Ю. М. Ткачевским, который отмечает, что испытательный срок в рассматриваемом случае может реализовываться в границах судимости, т. к. в ст. 86 УК РФ определено, что судимость при условно-досрочном освобождении от наказания исчисляется из фактически отбытого срока, а максимальный срок судимости в отношении лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, равен 8 годам⁴.

На наш взгляд, наиболее правильным будет рассмотрение правовой природы УДО как одного из видов освобождения от наказания, на что прямо указывает нахождение ст. 79 в 12 главе УК РФ «Освобождение от наказания». Оно представляет собой освобождение осужденного от дальнейшего реального отбывания наказания с условием обязательного соблюдения им ряда предписаний, перечисленных в законе и установленных судом в соответствии с этим законом. Освобождение от наказания в широком смысле представляет собой освобождение лица, признанного виновным в совершении преступления, от определенных лишений и ограничений прав, являющихся содержанием наказания. Оно может иметь место до начала отбывания наказания или в его процессе, быть полным или частичным, условным или безусловным, с заменой иной мерой государственного принуждения либо без нее, зависеть от поведения лица или нет,

¹ Михайлов К. В. Контрольный срок при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Уголовное право. 2008. № 6. С. 29.

² Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность). Владивосток, 2002. С. 120.

³ Цит. по: Маликов С. В. Сроки в институте условно-досрочного освобождения // Lex Russica (Научные труды Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина). 2010. № 4. С. 832.

⁴ Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Законодательство. 2004. № 8. С. 80.

наконец, может быть освобождение от отбывания наказания либо освобождение от самого наказания как такового.

Согласны, что «под освобождением от наказания понимается акт правосудия, примененный в предусмотренной законом процессуальной форме в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, и полностью освобождающий такое лицо от кары, определенных лишений и ограничений прав, являющихся содержанием наказания и реально испытываемых осужденным в процессе отбывания назначенного наказания, а также от правовых последствий осуждения – судимости¹.

Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что УДО по своей правовой природе является видом освобождения от дальнейшего отбывания наказания. Вид, отличаясь от родового понятия, в то же время содержит черты, общие для всех видовых понятий. Это общее с другими видами освобождения от наказания и характеризует юридическую природу УДО. Основанием, объединяющим различные виды освобождения от наказания, является полная или частичная реализация целей уголовного наказания. При этом очевидна индивидуальность достижения их при применении каждого из видов освобождения.

Особое место в структуре института освобождения от наказания занимает их социальная природа. Она состоит в корректировании принудительного воздействия на осужденного в зависимости от достижения в отношении него целей наказания, что способствует индивидуализации уголовной ответственности.

Мы поддерживаем точку зрения, что данный вид освобождения применяется в целях максимальной экономии уголовной «репрессии», когда реальное отбывание лишения свободы становится слишком суровым для лица, цели наказания которого можно достичь иными средствами, но имеется необходимость (в первую очередь в превентивных целях) сохранить для осужденного определенные правовые последствия – угрозу реализации неотбытого срока наказания и состояние судимости².

В целом можно считать, что наличие института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в системе действующего уголовного законодательства является важнейшим стимулом к добросовестному отношению осужденных к уголовно-исполнительному процессу.

В этой связи следует отметить, что при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания высшие органы государственной власти и правосудия руководствуются в своей деятельности определенной группой принципов.

Так, рассматриваемому институту присущ принцип строгой индивидуализации воспитательного процесса в период отбывания наказания.

¹ Зельдов С. И. Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982. С. 14.

² Смышляев В. В. К вопросу о социальной и юридической природе условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Следователь. 1999. № 5. С. 57.

Ее суть заключается в соизмерении объема и характера наказания с тяжестью совершенного преступления, личностью виновного и иными обстоятельствами дела. Следует согласиться с мнением, что «осуществление индивидуализации наказания в стадии исполнения приговора проявляется либо в освобождении лица от дальнейшего отбывания наказания, либо в изменении формы или вида назначенного наказания»¹.

Ю. М. Ткачевский, указывал, что «во время исполнения наказания в виде лишения свободы зачастую возникает необходимость тем или иным образом скорректировать его исполнение в соответствии с отношением к нему осужденного. Принцип индивидуализации наказания действует как при назначении наказания, так и в стадии его исполнения»². Можно лишь добавить, что определение степени исправления лица или, наоборот, его криминогенной зараженности и общественной опасности возможно лишь при самом тщательном индивидуальном подходе к изучению его личности.

Полное отбытие наказания – не самоцель правосудия, а средство достичь целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения новых преступлений. Принимая во внимание данное обстоятельство, укажем, что УДО может служить идеальным стимулом к правопослушному поведению осужденного и его исправлению.

Само досрочное освобождение не устраняет факт отбытия наказания, оно является лишь проявлением принципа гуманизма наряду с другими. Традиционное понимание принципа гуманизма означает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицам, совершившим преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Тем не менее принцип гуманизма в уголовном праве реализуется прежде всего путем защиты человека, его прав и законных интересов от преступных посягательств. Указанный принцип проявляется также в целях и задачах уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ). Основной целью УИК РФ является исправление осужденных. Это достигается выполнением таких задач, как определение средств исправления осужденных, обеспечение охраны их прав, свобод и законных интересов, а также оказание им помощи в социальной адаптации. Принцип гуманизма реализуется также в средствах исправительного воздействия: общественно полезном труде, интенсивном психолого-педагогическом воздействии, профессиональной подготовке и общеобразовательном обучении наряду с режимными требованиями, обеспечивающими дисциплину и порядок в местах отбывания наказания и одновременно создающими условия для расширения прав и льгот осужденным вплоть до условно-досрочного освобождения³.

¹ Смышляев В. В. Уголовно-правовой механизм реализации лишения свободы. Ульяновск, 2000. С. 62.

² Ткачевский Ю. М. Замена уголовного наказания в процессе исполнения. М., 1982. С. 1.

³ Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2016. С. 17–18.

Мы считаем, что институт досрочного освобождения от наказания является одним из проявлений принципа гуманизма в уголовном праве. Его содержание образует предусмотренные уголовным законом право либо обязанность суда освободить лицо, признанное виновным в совершении преступления, от дальнейшего отбывания наказания при частичном его отбытии.

Здесь, справедливости ради, необходимо указать, что среди ученых-юристов существует и другая точка зрения. Так, Ю. Н. Емельянов писал, что по «соображениям неполноценности не могут быть самостоятельными критериями при анализе юридической природы институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания принципы законности и гуманизма нашего права, а также принцип экономии репрессии, вернее, принцип экономии мер принуждения. Сам по себе гуманизм не может объяснить, почему осужденного освобождают от наказания. Если исходить только из гуманизма, то максимум гуманности – вообще не прибегать к наказанию. Первопричиной освобождения является отпадение или значительное уменьшение общественной опасности преступного деяния и (или) личности преступника. Но это означает, что принцип гуманизма – лишь один из сопутствующих признаков правовой природы освобождения, сам возникающий как следствие из факта отпадения или уменьшения общественной опасности»¹.

Не соглашаясь с указанной точкой зрения, мы можем констатировать, что применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания обусловлено принципом гуманизма, а также задачами, стоящими перед наказанием.

При изложении принципов уголовного законодательства необходимо отметить тот факт, что наряду с вышеуказанными институту досрочного освобождения присущ принцип социальной справедливости.

М. П. Мелентьев и В. А. Корчинский относительно данного принципа писали: «В процессе исполнения наказания степень общественной опасности личности преступника может существенно снижаться, вплоть до исправления. Если мы не будем замечать положительного поведения осужденного, оставим его без соответствующего реагирования, то также неминуемо вступим в противоречие с принципом социальной справедливости»².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является комплексным правовым институтом, имеющим сложную юридическую структуру, и реализуется на основе принципов законности, гуманности и социальной справедливости при соблюдении строгой индивидуализации наказания.

¹ Емельянов Ю. Н. Основные вопросы освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967. С. 135–136.

² Мелентьев М. П., Корчинский В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правоприменительной деятельности исправительно-трудовых учреждений. Киев, 1991. С. 19.

Здесь же немаловажным будет добавить, что регламентация правовой природы УДО будет не полной без раскрытия социально-политического назначения указанного института. Данное назначение и способ его организации, возникающий при реализации общественных отношений, находят свое отражение в функциях. Согласимся, что исследование той или иной функции правового института есть рассмотрение самой его сущности с теми лишь особенностями, что исследуются не вся сущность права, а некоторые ее стороны, характерные черты¹.

Институту условно-досрочного освобождения присущ свой, сугубо индивидуальный спектр функций, в частности: экономические, политические и воспитательные.

Экономическая функция представляет собой его правовое воздействие на экономическую сферу. Условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы способствует экономии финансовых средств государства, отпускаемых на содержание осужденных. Этот показатель играет в настоящее время важную роль. Необходимо учесть также немаловажный фактор так называемой «разгрузки» исправительных учреждений, транзитно-пересылочных пунктов, следственных изоляторов.

Политическая функция обуславливается уголовной, уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной политикой нашего государства в данной сфере общественных отношений. Политические цели государства в ней представлены через принципы функционирования, нормы, регулирующие его деятельность, а также задачи, стоящие перед ним.

Воспитательная функция представляет собой правовое воздействие на духовную сферу лиц, лишенных свободы. «Изменение сознания правонарушителей, переориентация их поведения до отбытия срока наказания являются одной из задач досрочного освобождения»². С отсутствием в действующем законодательстве такого критерия, как «перевоспитание», представляется, что данная функция выступает в роли определенной корректировки поведения осужденных и служит средством к дальнейшей их социальной адаптации.

Помимо вышеперечисленных социально-экономических институту досрочного освобождения свойственны также и специально-юридические функции, такие как регулятивные и охранительные.

Регулятивные представляют собой способ правового воздействия, направленный на обеспечение нормальной организации общественных отношений, их функционирование в соответствии с требованиями объективных законов общественного развития³.

Наиболее характерными путями (элементами) их осуществления являются:

— определение оснований и условий освобождения;

¹ Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. С. 109.

² Мелентьев М. П., Корчинский В. А. Указ. соч. С. 20.

³ Там же. С. 7.

- определение компетенции государственных органов, наделенных правом реализации УДО;
- закрепление и изменение правового статуса условно-досрочно освобожденных лиц.

Основное назначение охранительной функции заключается в предотвращении нарушений норм права. Ее специфика – воздействие на поведение людей путем установления запретов и влияние на их волю угрозой санкции.

В заключение можно воспроизвести лишь отдельные факторы, благодаря которым рассматриваемый нами институт имеет важное юридическое и социальное значение:

- путем условно-досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания достигается «экономия» мер государственного принуждения;
- происходит экономия финансовых средств, отпускаемых государством на содержание лиц, лишенных свободы;
- факт досрочного освобождения исправившихся осужденных служит примером и основанием к правопослушному поведению для остальной части лиц, лишенных свободы, и т. д.

Все это в комплексе может свидетельствовать о социальной обусловленности института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Исходя из вышеизложенного, полагаем дать собственное определение института условно-досрочного освобождения. Так, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – комплексный, межотраслевой институт, регулирующий основания, условия и порядок освобождения от отбывания наказания ввиду досрочной реализации целей уголовного наказания и полностью или частично (под условием) освобождающий осужденного от лишений либо ограничений прав, возложенных на него в соответствии с приговором суда, но с сохранением судимости до момента истечения испытательного срока.

Как показывает изучение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания не является карательным институтом, поэтому не может быть признано ни стадией прогрессивной системы исполнения наказания, ни частью системы относительно неопределенных приговоров.

Условно-досрочное освобождение не является средством исправления приговоров, поскольку его применение базируется на фактах и обстоятельствах, возникших уже после постановления обвинительного приговора, в процессе его исполнения и в результате достижения задачи исправления осужденного. По этой же причине применение УДО не колеблет стабильности судебной приговора, который не отменяется, продолжая действовать до истечения установленных им сроков наказаний. Это и не особая форма сокращения наказания, т. к. срок наказания, установленный приго-

вором суда, не сокращается, приговор остается в силе, прекращается лишь фактическое исполнение наказания.

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания имеет сложную юридическую структуру. Сложность заключается не только в большом количестве образующих элементов, а главным образом в том, что их конкретное содержание значительно глубже их законодательного закрепления, нормы которого в ряде случаев недостаточно разработаны.

Рассматриваемый институт лишен правовой самостоятельности, ему свойственна противоречивость норм. Его правовая природа не может исходить только лишь из норм уголовного или уголовно-исполнительного права. Она определяется совокупностью норм трех правовых отраслей – уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, регулирующих законность и полноту рассмотрения предпосылок и оснований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Значение УДО заключается не только в том, что оно способствует дальнейшему углублению принципа индивидуализации наказания. Само собой разумеется, что у осужденных всегда существует мечта как можно скорее отбыть наказание и выйти на свободу. Условно-досрочное освобождение предоставляет им возможность осуществления этой мечты и указывает путь скорейшего оставления места отбывания наказания. Эта возможность ставится в полную зависимость от самого осужденного, от его поведения во время отбывания наказания. Как правильно писал С. В. Познышев, условно-досрочное освобождение «является в значительной степени делом его самого, он как бы получает ключ от своей камеры в свое распоряжение с обязательством пользоваться им под известным контролем»¹.

Немаловажным аспектом УДО также будет являться тот факт, что его положительное, воспитательное воздействие на осужденных не прекращается и после их выхода на свободу из мест лишения свободы. Угроза реального исполнения неотбытого наказания постоянно напоминает лицу о его обязанности строго соблюдать условия, под которыми он освобожден досрочно, содействует закреплению результатов исправления осужденных, достигнутых в исправительных учреждениях. Условно-досрочное освобождение с этой точки зрения, по образному выражению А. А. Пионтковского, является «добрым гением, который следует за осужденным, постоянно охраняя его, предупреждая и сдерживая от возможного падения и вступления на скользкий путь порока и преступлений»².

¹ Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. С. 155.

² Пионтковский А. А. Условное освобождение: уголовно-политическое исследование. Казань, 1900. С. 154.

ГЛАВА 4. ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы может быть применено судом лишь при одновременном наличии указанных в законе оснований. Согласно ст. 79 УК РФ к ним относятся достижение определенной степени исправления осужденного, возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, и отбытие им требуемой части срока наказания.

Было бы весьма спорным утверждать, что первое является основанием, а второе – обязательным условием применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Требование отбытия осужденным определенной части срока назначенного ему судом наказания и возмещения вреда, причиненного преступлением, также преследует достижение определенных целей наказания: восстановление определенного уровня социальной справедливости и частичное достижение задач частной и общей превенции.

Так, исправлением осужденного решается задача частного предупреждения преступлений. Общепредупредительное воздействие наказания достигается тем, что осужденный до момента УДО обязан фактически отбыть не менее установленной законом части срока наказания. Поэтому даже при наличии факта исправления осужденный не может быть представлен к УДО раньше, чем истечет установленная законом часть срока наказания.

Необходимо указать, что минимальная часть срока наказания, которую должен фактически отбыть осужденный, устанавливается законодателем хотя и дифференцированно, в зависимости от тяжести преступления, но безотносительно к конкретной личности осужденного. В силу этого отбытие определенной части срока наказания приобретает характер формального основания УДО, поскольку наступает независимо от поведения лица, отбывающего наказание. В то же время отбытие предусмотренной законом части срока наказания не всегда совпадает с наступлением другого его основания – материального, т. к. осужденный к этому моменту может еще и не исправиться.

В подтверждение сказанного рассмотрим следующую ситуацию. Одним из аспектов уголовного и уголовно-исполнительного законодательства является возможность применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении лиц, пожизненно лишенных свободы.

Часть 5 ст. 79 УК РФ определяет, что лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно от отбывания наказания, если судом будет признано, что оно не нуждается

в дальнейшем отбывании наказания и фактически отбыло не менее 25 лет лишения свободы. Назначение пожизненного лишения свободы свидетельствует о чрезвычайно высокой общественной опасности как содеянного, так и лица, осужденного за него. Обращает на себя внимание и то, что в норме повторена ранее приведенная формулировка основания применения УДО, а именно – «если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании наказания». Следовательно, в законе акцентировано внимание на том, что это основание, положенное в основу его применения, едино для всех категорий лиц, отбывающих наказание.

В то же время относительно указанной категории осужденных усматривается явная недостаточность материальных оснований их освобождения. Так, при анализе рассматриваемой дефиниции весьма интересной представляется позиция законодателя в той части, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы, применяется лишь при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих 3 лет. Как представляется, такое условие не вполне оправдано.

При решении вопроса об УДО должно учитываться поведение осужденного на протяжении всей отбытой части срока наказания, что позволит администрации исправительного учреждения и суду с большей степенью уверенности полагать, что такое лицо для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбывании наказания и в его случае не совершит нового преступления. При этом их убеждение должно основываться на тщательном анализе всех данных о личности осужденного в период отбывания наказания. Кроме того, положения ч. 5 ст. 79 УК РФ позволяют осужденному в течение 22 лет систематически нарушать порядок отбывания наказания, а в следующие 3 года резко изменить свое поведение, всячески демонстрируя свое «исправление» с единственной целью – заслужить условно-досрочного освобождения.

Закон позволяет такого осужденного освободить от дальнейшего отбывания наказания. А осужденного, который вел себя безупречно в течение всего срока отбывания наказания, а в течение последних 3 лет допустившего хотя бы одно злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, по мнению законодателя, мы не вправе освободить. Следует сказать, что иногда осужденные допускают нарушения не по своей воле, а в силу сложившихся обстоятельств, например, они могут быть спровоцированы поведением других осужденных.

Стоит задуматься над этим положением. Ведь безупречных людей не бывает, человек – не машина, а существо с мыслями, чувствами, эмоциями, переживаниями, и в течение 3 лет может многое произойти. На наш взгляд, этот срок установлен не в пользу осужденного. Он снижает активность

у данной категории осужденных в проявлении общественно полезных действий, порождает боязнь перед взысканием.

Указанные основания (формальное и материальное) оказывают существенное влияние на перспективу условно-досрочного освобождения осужденного.

Требования закона о возможности применения УДО лишь после фактического отбытия осужденным соответствующей части срока наказания не случайны. В соответствии с законодательством они должны быть достаточными для достижения целей исправления осужденных и общепредупредительного воздействия на других неустойчивых элементов общества. Устанавливая дифференцированные сроки наказания, подлежащие обязательному отбытию, закон исходит из того, что достижение задач исправления возможно в результате различной продолжительности исправительного воздействия.

Несомненным достижением ныне действующего УК РФ является отказ от формальных ограничений применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, которое было построено на дифференцированном подходе и индивидуализации в осуществлении уголовной ответственности на всех ее стадиях.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. запретили применять условно-досрочное освобождение от отбывания наказания лишь к особо опасным рецидивистам. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. запретил применять этот институт также к лицам, к которым были применены условно-досрочное освобождение от отбывания лишения свободы либо замена неотбытой части наказания более мягким наказанием и которые до истечения неотбытого срока наказания совершили новое умышленное преступление, за что были осуждены к лишению свободы.

Закон Союза ССР от 11 июля 1969 г. «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» несколько расширил сферу применения условно-досрочного освобождения, сократив перечень тяжких преступлений, при совершении которых запрещалось применять данный институт.

В 1977 г. сфера действия условно-досрочного освобождения от отбывания наказания существенно расширилась. Его запрещалось применять только к особо опасным рецидивистам, лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, за умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах, а также к осужденным, которым смертная казнь заменена в порядке помилования или амнистии лишением свободы.

С 1982 г. последовательно реализуется обратная тенденция: круг лиц, имеющих возможность условно-досрочно освободиться от отбывания наказания, сужается. В декабре 1982 г. ст. 53¹ УК РСФСР была дополнена двумя пунктами, в соответствии с которыми УДО не применялось к лицам,

ранее более 2 раз осуждавшимся к лишению свободы за умышленные преступления, если судимость за предыдущее преступление не снята или не погашена в установленном законом порядке, а также к ранее освобождавшимся из мест лишения свободы до полного отбытия назначенного судом срока наказания условно-досрочно и вновь совершившим умышленное преступление в течение неотбытой части наказания.

В 1985 г. в круг лиц, не подлежащих условно-досрочному освобождению от отбывания наказания, были включены субъекты, совершившие тяжкие преступления, связанные с насилием над личностью. Подобное решение не было случайным. В большинстве случаев именно такие лица после УДО вновь совершали преступления, характеризующиеся особой дерзостью и жестокостью.

Таким образом, в ст. 53¹ УК РСФСР 1960 г. содержались значительные ограничения в его применении к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. В соответствии с ней условно-досрочное освобождение от отбывания наказания не применялось:

- 1) к особо опасным рецидивистам;
- 2) к лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления;
- 3) к лицам, осужденным за ряд тяжких преступлений: бандитизм, умышленное убийство, умышленное тяжкое телесное повреждение, изнасилование, посягательство на жизнь работника милиции и т. п.;
- 4) к лицам, которым наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы в порядке помилования или амнистии;
- 5) к лицам, ранее более 2 раз осуждавшимся к лишению свободы за умышленные преступления, если судимости за предыдущие преступления не сняты или не погашены в установленном законе порядке;
- 6) к лицам, ранее освобождавшимся из мест лишения свободы до полного отбытия назначенного судом срока наказания условно-досрочно и вновь совершившим преступление в течение неотбытой части наказания.

По формальным признакам не допускалось применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания примерно к 54 % лиц, отбывающих лишение свободы. Тем самым были лишены важнейшего стимула к исправлению лица, более всех нуждавшиеся в этом. Даже в колониях общего режима значительная часть заключенных не подлежала условно-досрочному освобождению от лишения свободы. Не явилось ли это одной из причин того, что многие из этих лиц чаще по сравнению с иными заключенными злобно нарушали режим отбывания наказания.

Применение института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания является важнейшим стимулом для исправления осужденных, служит отдаленной, но вполне реальной возможностью освободиться из исправительного учреждения до истечения указанного в приго-

воре суда срока. Поэтому снятие формальных ограничений в части применения этого института к каким-либо категориям осужденных соответствует принципу гуманизма действующего законодательства.

Вместе с тем в ряде стран дальнего и ближнего зарубежья действующее уголовное законодательство ограничивает применение условно-досрочного освобождения. Так, § 57 УК ФРГ¹ запрещает применять его к осужденным, которые скрыли имущество, подлежащее конфискации. В ст. 9 УК Кыргызской Республики установлен запрет на применение УДО к лицам, признанным особо опасными рецидивистами, и к лицам, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы.

Аналогично решается вопрос и Уголовным кодексом Эстонии. Согласно ст. 55 (1) УК Эстонии УДО не применяется к лицу, которому в порядке помилования или амнистии наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы и которому судом наказание в виде смертной казни заменено лишением свободы².

В соответствии с УК Болгарии ограничения в УДО действуют в отношении лиц, осужденных за преступление, представляющее опасный рецидив. Не допускается повторное применение условно-досрочного освобождения, за исключением случаев, когда лицо было реабилитировано за преступление, в отношении которого было применено указанное освобождение. Не содержит УК Болгарии также положений о возможности применения УДО к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы³.

По УК Беларуси (ч. 7 ст. 90) УДО не применяется к лицам, обязанным возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, осужденным за уклонение от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, и за иные преступления, совершенные в период работы в организациях на основании судебного постановления⁴.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан устанавливает, что УДО не применяется к лицам, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, в случае особо опасного рецидива, к организаторам, участникам организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), к лицам, осужденным за преступления против мира и безопасности человечества⁵.

В ст. 73 УК Республики Узбекистан применение УДО еще более сужено. Оно неприменимо не только к особо опасным рецидивистам и к ли-

¹ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 32.

² Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эстонского В. В. Зепалова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 78–84.

³ Уголовный кодекс Республики Болгарии / науч. ред. А. И. Лукашова; пер. с болгарского Д. В. Милушева, А. И. Лукашова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 67.

⁴ Уголовный кодекс Республики Беларусь // СПС «Гарант».

⁵ Уголовный кодекс Республики Таджикистан / пред. А. В. Федорова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 94–96.

цам, которым смертная казнь была заменена в порядке помилования лишением свободы, но и к лицам, осужденным за умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами, насильственное удовлетворение половой потребности в противоестественной форме в отношении потерпевшего, заведомо для виновного не достигшего 14-ти лет, преступления против Республики Узбекистан, мира и человечества, организацию преступного сообщества, контрабанду ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения, материалов и оборудования, которые заведомо могут быть использованы при его создании, а равно наркотических средств или психотропных веществ в крупных размерах¹.

Представляется, что позиция ст. 79 УК РФ предпочтительнее. Широкое ограничение применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания лишает значительное число осужденных стимула к исправлению и, по нашему мнению, необоснованно.

Рассматривая формальные основания применения условно-досрочного освобождения от наказания, заметим, что они пересекаются с одним из критериев уголовно-правовой классификации – категориями преступлений, которые введены принятым в 1996 г. УК РФ (ст. 15).

Впервые в нашем уголовном законодательстве категории преступлений представлены в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния (ч. 1 ст. 15 УК РФ), т. е. законодатель в основу положил материальный признак преступления. Однако фактически (как видно из чч. 2–6 ст. 15 УК РФ) основаниями дифференциации преступлений на группы являются: вид наказания (лишение свободы); размер наказания и противоправность (юридическое выражение общественной опасности) – основа для выделения категорий преступлений.

Из содержания ст. 15 и ч. 3 ст. 79 УК РФ следует, что формальное основание применения УДО, связанное с частью срока наказания, может быть применено только после фактического отбытия осужденным (кроме осужденных несовершеннолетних и осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы):

- не менее 1/2 и срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;
- не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;
- не менее 2/3 срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление;
- не менее 3/4 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 205¹⁻⁵, 210 и 361 УК РФ;

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 57.

– не менее 4/5 срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-тилетнего возраста.

Лица, не выдержавшие требований, предъявляемых к ним, и осужденные за новые преступления в течение испытательного срока могут вновь заслужить УДО лишь после фактического отбытия не менее 2/3 от назначенного им наказания.

Отсутствие в научной литературе ссылок на авторство относительно фиксированного минимального срока, необходимого для наступления формального основания УДО, предопределяет наше индивидуальное видение данного вопроса. Анализируя историческую регламентацию указанного института, на наш взгляд, можно предположить, что действующая законодательная конструкция ч. 3 ст. 79 УК РФ основана на 2 составляющих компонентах:

1. Традиция – аналогия с момента возникновения рассматриваемого института.

2. Практика – наблюдения за действенностью конструкции и аккумулярование ее позитивных аспектов.

Мы согласны, что в основу определения минимально необходимой части срока, после отбытия которой допустимо условно-досрочное освобождение от наказания, положены 3 условия:

1) тяжесть преступления, за совершение которого отбывается наказание (отнесение его к той или иной категории);

2) несоблюдение условно-досрочно освобожденным требований, предъявляемых к нему во время испытательного срока;

3) совершение преступления указанным лицом во время испытательного срока¹.

Относительно 2 последних из перечисленных условий законодатель устанавливает, что освобожденный не оправдал в этих случаях оказанного ему доверия, и этим самым предопределяет более жесткие условия повторного условно-досрочного освобождения.

Закон не запрещает применения УДО в третий или даже в четвертый раз. Но повторное его применение в рассматриваемом случае уже имело место после отбытия указанной части наказания. Поэтому по букве закона УДО в третий раз и более в подобных случаях возможно сразу же после установления того, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания. Исправление осужденного – это длительный процесс. В данном случае администрация исправительного учреждения поставлена в сложную ситуацию, когда осужденный не оправдал ее доверия и пытается заслужить это доверие повторно в соответствии с законом.

¹ Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1997. № 2. С. 20.

В этой связи было бы желательным указать в уголовном законодательстве, что в рассмотренных ситуациях третье или последующее условно-досрочное освобождение от наказания допустимо, скажем, по истечении не менее 1 года.

Дополнительным аргументом к этому могут быть требования ч. 12 ст. 175 УИК РФ, разъясняющие, что если условно-досрочно освобожденные были направлены в исправительные учреждения в случаях, предусмотренных законом (нарушение положений ч. 7 ст. 79 УК РФ), их новое представление к условно-досрочному освобождению может быть произведено не ранее, чем по истечении одного года со дня вынесения определения об отмене УДО.

Необходимо обратить внимание и на проблему определения части срока наказания в тех случаях, когда лицо осуждено по совокупности преступлений (ст.ст. 17, 69 УК РФ) или по нескольким приговорам (ст. 70 УК РФ) за преступления различной степени тяжести, одно из которых допускает возможность применения УДО после фактического отбытия 1/3, одно – по отбытии половины и другое – по отбытии 2/3 срока наказания.

Возникает вопрос: какую же часть срока наказания должен отбыть осужденный?

Отметим, что на практике руководствуются постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»: если лицо осуждено по совокупности преступлений различной категории тяжести либо по совокупности приговоров, то при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания надлежит исходить из окончательного срока наказания, назначенного по совокупности. При исчислении от этого срока той его части, после фактического отбытия которой возможно применение условно-досрочного освобождения, судам следует применять правила, предусмотренные ч. 3 ст. 79, ст. 93 УК РФ для наиболее тяжкого преступления, входящего в совокупность.

Общественная опасность совершившего два и более преступления определяется не каждым из них в отдельности, а совокупностью деяний, за которое его осудили. Лицо, неоднократно нарушившее закон, при прочих равных условиях более общественно опасно, чем то, которое нарушило закон один раз. Значит, если виновный помимо совершения преступления, исключающего возможность УДО ранее отбытия 1/3 или половины наказания, повинен в совершении еще и особо тяжкого преступления, то тем более он не заслуживает досрочного освобождения, пока не истечет большая из таких частей общей продолжительности наказания.

После принятия УК РФ 1996 г. на практике возникли проблемы, влияющие на срок, который фактически должен быть отбыт осужденным для возможного условно-досрочного освобождения.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает, что суды при вынесении обвинительного приговора в соответствии с ч. 7 ст. 302 должны точно определить начало исчисления срока отбывания наказания.

По смыслу ст. 7 УИК РФ началом исполнения наказания является дата вступления приговора либо изменяющего его определения или постановления суда в законную силу.

Законодательство устанавливает правила, согласно которым в срок отбывания наказания засчитывается время содержания под стражей до постановления приговора (ст. 72 УК РФ). Таким образом, началом реального отбывания наказания является момент задержания, т. е. фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5, ч. 3 ст. 128 УПК РФ).

Следует также отметить, что заключение под стражу может быть применено в качестве меры пресечения не только в период предварительного расследования, но и в ходе судебного заседания (ст. 255 УПК РФ).

Поэтому исчисление минимально необходимой части срока наказания, подлежащей отбытию, осуществляется с момента фактического задержания, на что и указывает законодатель (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8).

Вместе с тем следует заметить, что предложенный порядок исчисления срока фактического отбытия наказания порождает на практике некоторые вопросы.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Кирова от 12 апреля 2006 г. Н. была осуждена за совершение мошенничества, признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, и приговорена к 4 годам лишения свободы со штрафом в размере 357 000 руб. Приговор вступил в законную силу 29 июня 2006 г.

Как указывается в материалах дела, в период с 13 апреля 2005 г. по 11 апреля 2006 г. до судебного разбирательства Н. содержалась под стражей.

20 апреля 2007 г. по истечении 2 лет 8 дней (то есть по отбытии более 1/3 срока наказания) Н. было подано ходатайство об условно-досрочном освобождении.

10 мая 2007 г. постановлением Ленинского суда г. Кирова в условно-досрочном освобождении Н. было отказано на основании того, что вину она признала частично, не раскаялась, добровольно меры к погашению гражданских исков не предпринимала, неоднократно допускала нарушения режима содержания (3 мая 2005 г., 5 декабря 2005 г. – в период содержания под стражей, 17 августа 2006 г.).

Осужденная Н. не согласилась с постановлением суда об отказе в УДО. В жалобе, в частности, она указала, что со времени вступления приговора в законную силу у нее не было ни одного взыскания.

Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда постановление районного суда отменила, отметив, что суд необоснованно сослался на нарушения режима содержания. Они имели место в период нахождения Н. под стражей в качестве меры пресечения, а поэтому по смыслу ч. 1 ст. 79 УК РФ не могут быть приняты судом во внимание. Дело направлено на новое рассмотрение.

Постановлением Ленинского районного суда г. Кирова от 4 сентября 2007 г. в удовлетворении ходатайства об УДО вновь было отказано, одним из оснований этого было признано совершение нарушений режима содержания в период нахождения под стражей в качестве меры пресечения¹.

Мы согласны с точкой зрения, что позиция районного суда более обоснованна. Ссылка областного суда на ч. 1 ст. 79 УК РФ не учитывает иные положения как УК РФ (ч. 3 ст. 72), так и УПК РФ (ст.ст. 302, 308).

Наступление другой, аналогичной ситуации возможно при рассмотрении вопроса применения уголовного закона, наиболее благоприятного для осужденного.

Так, постановлением Кунгурского городского суда Пермского края от 15 июня 2010 г. Х. отказано в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания.

Судебной коллегией по уголовным делам Пермского краевого суда 29 июля 2010 г. указанное постановление отменено, производство по ходатайству осужденного об УДО прекращено.

Постановлением президиума Пермского краевого суда от 28 октября 2011 г. в удовлетворении надзорных жалоб осужденного Х. отказано.

В надзорной жалобе Х. судебные решения просил отменить. Указывал, что приговор вступил в законную силу 15 февраля 2007 г., и при разрешении вопроса о его условно-досрочном освобождении суду надлежало руководствоваться положениями п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ (в ред. от 9 марта 2001 г.). Суд, отказывая ему в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, необоснованно исходил из положений п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ (в ред. от 3 ноября 2009 г.).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 24 апреля 2012 г. надзорную жалобу осужденного удовлетворила по следующим основаниям.

Согласно ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Для применения к осужденным условно-досрочного освобождения от наказания законом предусмотрены конкретные сроки отбытого наказа-

¹ Материалы уголовного дела № 1-14 (22620) // Архив Ленинского районного суда г. Кирова. 2008 г. (приводится по: Маликов С. В. Указ. соч. С. 826–827).

ния, которые зависят от категории совершенных осужденным преступлений.

В частности, согласно п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ (в ред. от 9 марта 2001 г.) за совершение тяжкого преступления УДО могло быть применено после фактического отбытия осужденным не менее половины срока наказания.

На момент рассмотрения ходатайства Х., осужденного за совершение тяжкого преступления, он отбыл половину назначенного ему срока наказания.

Отказывая осужденному в УДО от дальнейшего отбывания наказания, суды первой, а также кассационной и надзорной инстанций мотивировали свои выводы тем, что в соответствии с п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ (в ред. от 3 ноября 2009 г.) осужденный должен отбыть не менее 3/4 срока наказания, в связи с чем право на условно-досрочное освобождение у Х. возникает после фактического отбытия им 5 лет 3 месяцев лишения свободы, и на момент рассмотрения его ходатайства судом он не отбыл необходимую часть назначенного наказания, после которой он мог подлежать условно-досрочному освобождению.

Между тем, принимая такое решение, суды первой, кассационной и надзорной инстанций не учли, что в силу ст. 10 УК РФ закон, ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Х. осужден по приговору суда от 25 декабря 2006 г. за тяжкое преступление, предусмотренное пп. «в», «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ. На момент совершения преступления и на момент вынесения приговора действовала норма закона, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 79 УК РФ (в ред. от 9 марта 2001 г.), устанавливающая возможность применения условно-досрочного освобождения от наказания осужденного после фактического отбытия им не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление.

Поскольку ст. 79 УК РФ (в ред. от 3 ноября 2009 г.) изменяет в неблагоприятную сторону для осужденного основания его условно-досрочного освобождения от наказания, суду исходя из принципа гуманизма, на котором основано положение об обратной силе закона, следовало руководствоваться тем законом, который наиболее благоприятен для осужденного.

Выводы президиума Пермского краевого суда со ссылкой на ст. 6 УИК РФ о том, что вопросы УДО, относящиеся к исполнению наказания, регулируются законом, действующим во время их исполнения, представляются ошибочными, основанными на неправильном толковании и, соответственно, неправильном применении закона. Распространение указанной нормы уголовно-исполнительного законодательства на правила УДО, регламентированные уголовным законом, недопустимо, и в данном

случае в отношении осужденного следовало применять более льготные положения уголовного закона ст. 79 УК РФ в соответствии со ст. 10 УК РФ.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ состоявшиеся по делу в отношении Х. судебные решения отменила, дело направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда¹.

Также возможна ситуация, что ко времени разрешения судом дела об УДО первоначальный срок наказания, назначенный судом, может изменяться как в сторону его сокращения, так и в отдельных случаях и в сторону увеличения, вызванного различными обстоятельствами. За основу отсчета срока в данном случае принимается окончательный общий размер наказания после всех сокращений или увеличений. Если, например, наказание осужденному было смягчено актом амнистии или помилования либо постановлением (определением) суда, то суд при применении условно-досрочного освобождения от наказания должен исчислять фактическую часть отбытого наказания исходя из срока наказания, установленного актом амнистии или помилования либо постановлением (определением) суда.

Между тем исчисление фактически отбытой части срока наказания в таких случаях обнаруживает множество неясностей.

Рассмотрим конкретную ситуацию.

Осужденному на основании ч. 1 ст. 162 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет. После отбытия 2 лет срока наказания определением суда приговор был изменен. В определении имеет место перекавалификация содеянного на ч. 1 ст. 161 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 3 года.

Какую фактическую часть отбытого срока в соответствии с ч. 3 ст. 79 УК РФ при этом необходимо применить к данному осужденному при его стабильном положительном поведении и, в конечном счете, его исправлении к моменту получения определения суда?

Из закона следует, что приговор содержит наказание за тяжкое преступление, при котором УДО может быть применено только после фактического отбытия осужденным половины срока наказания, т. е. 3,5 лет лишения свободы. Определение вышестоящего суда обозначает наказание за преступление средней тяжести, при котором фактически отбытый срок будет не менее 1/3 срока наказания, т. е. 1 года лишения свободы. В данном случае осужденный уже отбыл 2 года лишения свободы, когда фактический срок наказания для применения к нему УДО исчислялся исходя из более тяжкого преступления. Очевидно, при наличии исправления и возникшего основания в связи с изменением тяжести совершенного преступления – фактического отбытого срока наказания – представление к досрочному освобождению должно быть незамедлительным, т. к. осуж-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 апреля 2012 г. № 44-Д12-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

денный уже отбыл на 1 год больше фактического срока, установленного законом.

Но на практике возможно и обратное.

В том случае, когда, отбывая наказание в виде лишения свободы, осужденный совершил умышленное преступление, за которое вновь осужден к лишению свободы, то часть срока наказания, подлежащего обязательному отбыванию, отсчитывается от той совокупности меры наказания, которую суд определит за новое преступление с полным или частичным присоединением неотбытой части прежнего наказания. При этом началом отбытия нового срока наказания следует считать не момент вынесения приговора, а момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с возбуждением нового уголовного дела.

Необходимо определить, что при наличии названного основания, но при отсутствии другого основания (исправления осужденного) отбытый срок не будет иметь никакого принципиального значения для УДО.

В этой связи также необходимо пояснить существенную роль минимального срока отбытия наказания в виде лишения свободы, после которого может возникнуть право на УДО. По указанию законодателя фактический минимальный срок составляет 6 месяцев (ч. 4 ст. 79 УК РФ).

Введение законодателем данного требования направлено к тому, чтобы обеспечить действительное исправление лиц, осужденных к небольшим срокам лишения свободы, исключить формальное применение к ним условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Указанная норма представляется целесообразной, поскольку при краткосрочном лишении свободы, если бы не был установлен подобный минимальный срок, может возникнуть ситуация, когда при наличии формальных оснований материальные основания не возникли.

Данная ситуация, в частности, имеет место в том случае, когда в период адаптации осужденного к новым условиям жизни (первоначальный период отбытия наказания), который, по данным психологов, длится не менее 3–4 месяцев, у лица, осужденного к лишению свободы, «возникают различные отрицательные эмоции, повышенная возбудимость, угнетенность»¹, и этот самый тяжелый период в жизни для осужденного к краткому сроку лишения свободы составляет по существу все время пребывания в исправительном учреждении. В связи с этим трудно ожидать от осужденного в это время примерного поведения и добросовестного исполнения возложенных обязанностей.

В результате времени для того, чтобы оказать надлежащее исправительное воздействие на осужденного за половину краткого срока лишения свободы, после которого может возникнуть право на УДО, у сотрудников уголовно-исполнительной системы нет. Суд же в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8

¹ Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М., 1995. С. 64.

не вправе отказывать в условно-досрочном освобождении по мотивам, не указанным в законе, таким, например, как мягкость назначенного наказания, кратковременность пребывания осужденного в исправительном учреждении.

В то же время осужденные к кратким срокам лишения свободы большую или значительную часть наказания проводят под следствием, в этапах и т. п., не подвергаясь при этом почти никакому исправительному воздействию. Между тем по отбытии определенного установленного законом срока они представляются к УДО на общих основаниях, зачастую без должного изучения. Подобная практика может создать у таких лиц убеждение в их безнаказанности и оказать отрицательное воздействие на дальнейшее исправление.

Как видно, несмотря на возникновение в юридической литературе вопроса, связанного с необходимостью установления минимального отбытого срока наказания, законодатель по-прежнему не говорит о необходимости пребывания определенного минимума времени осужденным в *исправительном учреждении* (курсив автора), а ведь именно там оказывается исправительное воздействие. В данной связи весьма оправданным было бы дополнить уголовный закон нормой, предусматривающей, что условно-досрочное освобождение не применяется к осужденным к лишению свободы лицам, отбывшим не менее года в местах заключения.

Анализируя формальное и материальное основания, необходимо отметить, что первое в значительной части подчинено второму. Для изучения личности осужденного и вывода о степени его исправления необходим определенный срок – тем больший, чем более «запущено» было лицо к моменту осуждения, чем более тяжко совершенное преступление и продолжительнее назначенное наказание. Практике известно немало случаев, когда опасные преступники, желая скорее выйти на свободу, маскируют свое истинное лицо, демонстрируя исправление, которого на самом деле нет. «Естественно, что чем больше времени осужденный находится в исправительно-трудовой колонии, тем труднее ему притворяться и тем легче его разоблачить»¹.

Исчисление установленной в законе части срока на практике, как правило, не вызывает трудностей. Значительно сложнее бывает установить материальное основание.

Материальное основание отражает степень исправления осужденного. Применение УДО осуществляется, если судом будет признано, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания. Признание факта исправления осужденного возможно в соответствии с его поведением (соблюдение установленного порядка отбывания наказания),

¹ Бадамян Е. А. Проблемы условно-досрочного освобождения. Уфа, 1994. С. 6.

отношением к труду (а несовершеннолетнего – и к учебе), к администрации, другим осужденным¹.

В целях раскрытия содержания материального основания УДО необходимо проанализировать само нормативное закрепление этого основания в ст. 79 УК РФ. Словосочетание «не нуждается в полном отбывании» по своей смысловой нагрузке может служить лишь поводом для критики. Нуждаться – значит испытывать потребность в чем-либо². Соответственно, в данном случае, по всей видимости, имеет место лишь неудачная редакция. Сомнительно, что кто-либо из лиц, находящихся в исправительных учреждениях, испытывает потребность в лишении свободы.

Наказание, являясь основным из уголовно-правовых институтов, своим содержанием связано с определением его целей. Непосредственно через цели наказания достигается социально полезный результат, ожидаемый обществом. Мы согласны, что, определяя содержание целей наказания, законодатель с помощью уголовного права устанавливает пределы воздействия государства на применение принудительных мер к лицам, совершившим преступления³.

Термин «цель» содержит конкретизированный смысл, а потому его применение в тексте УК РФ имеет специальное назначение. В этой связи важно детализировать его понятийный аппарат. Данное предложение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно в сфере правотворческой деятельности.

Так, в Словаре русского языка под целью понимается «то, к чему стремятся, что надо осуществить»⁴. В энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона под целью понимается «представление, которое человек стремится осуществить»⁵, в большом юридическом словаре не смотря на то, что цель рассматривается в контексте совершения преступления, под ней понимается «результат, которого стремится достичь»⁶.

Приведенные определения позволяют заключить, что общим содержанием понятия цели является представляемый лицом результат, к достижению которого оно стремится в процессе своей деятельности.

Однако цель как правовая категория, в том числе уголовно-правовая, представляется более сложным понятием, о чем может свидетельствовать их содержание разной направленности и характера: соотношение целей уголовного права и уголовно-исполнительного права; понятие исправле-

¹ Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник / под ред. проф. А. В. Бриллиантова. М., 2016. С. 107.

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1986. С. 360.

³ Кузнецов А. П. Цели наказания в уголовном законодательстве: теоретический аспект // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского Конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2009. С. 277.

⁴ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 187, 802.

⁵ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Издательство Эксмо, 2005. С. 622.

⁶ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 670.

ния; соотношение исправления и изменения к лучшему; соотношение исправления и воспитания; соотношение исправления осужденного и средств достижения этой цели; соотношение уголовно-правовых и иных средств воздействия на осужденного.

Независимо от существующих теоретических положений о статусе отрасли уголовно-исполнительного права, в том числе о предмете уголовно-исполнительного права, следует заметить, что неоспоримым в литературе является тот факт, что уголовно-исполнительное законодательство и право находятся в непосредственной зависимости и взаимосвязи с уголовным законодательством и правом.

Данное положение и закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве категории цели являются не только отправной точкой в исследовании проблемы исполнения и отбывания наказания, но и началом, предопределяющим стратегическое направление развития уголовно-исполнительного законодательства и права в целом.

Уголовный закон формулирует 3 цели наказания: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений. Эти цели являются тем правовым ориентиром, который по определению должен обладать качеством прогнозирования конечного результата общественно полезной деятельности государства в области борьбы с преступностью.

Цель наказания – восстановление социальной справедливости. В уголовном законе впервые получила свое нормативное закрепление при принятии действующего Уголовного кодекса РФ. В теории уголовного права такое положение единодушного мнения не вызывает. Так, Н. Ф. Кузнецова отмечает приемлемость данной цели применительно к наказанию, понимая под ней восстановление социальной справедливости в отношении потерпевших (восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства), с одной стороны, и справедливое наказание преступника – с другой¹. Л. Л. Кругликов выступает против признания целью наказания восстановления справедливости, обосновывая это тем, что содержание социальной справедливости и средства ее достижения довольно аморфны и нет объективных критериев ее достижения².

По существу, такой же позиции придерживается С. В. Максимов, отмечая, что справедливость представляет собой нравственно-этическую категорию, лишенную правового содержания. В качестве другого довода

¹ Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2011. С. 21.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015. С. 350.

данный автор приводит, что уголовное право не носит восстановительный, компенсационный характер, что присуще гражданскому праву¹.

Высказывались и менее категоричные суждения о невозможности закрепления в уголовном законе указанной цели. Так, С. В. Полубинская отмечала, что измерение показателей степени достижения цели восстановления справедливости представляет исключительную трудность, вследствие этого в уголовном законе не следует формулировать эту цель².

Весьма серьезным аргументом противников восстановления социальной справедливости как цели наказания, с которым трудно спорить, является то, что после совершения преступления невозможно восстановить нарушенное благо, например, жизнь человека, его здоровье и т. д.

По нашему мнению, цель восстановления социальной справедливости является наиболее общей, обязательной, она преследуется в любом случае, носит всеобъемлющий характер, включает в себя ряд задач. В самом широком смысле справедливое есть синоним должного, правильного. В таком смысле восстановить социальную справедливость – значит привести данное соотношение к должному, уравновесить нарушенный преступлением порядок вещей. Вместе с тем справедливость – понятие оценочное. Что является справедливым в одном случае, в другом может показаться явно несправедливым. Именно поэтому при назначении наказания важен индивидуальный подход.

Из этого следует, что справедливость выступает как необходимое явление общества, что получило отражение в позиции законодателя, который называет справедливость социальной. Термин «социальный» означает «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе»³, исходя из чего правомерно утверждать, что справедливость социальная – критерий, посредством которого оцениваются взаимоотношения между людьми, а также поведение индивида в обществе. Термин «восстановить» означает привести в прежнее состояние⁴.

В уголовном праве справедливость заложена в уголовно-правовых нормах. Это выражается в том, что в диспозициях уголовно-правовых норм описываются деяния, которые в соответствии с нормами морали общества признаны противоправными и общественно опасными, а в санкциях предусматривается ответственность за их совершение в виде наказаний. Справедливость в уголовном праве будет иметь место тогда, когда за деяние, предусмотренное диспозицией, последует наказание, предусмотренное соответствующей санкцией. Иными словами, должны быть точно выполнены предписания уголовно-правовых норм.

¹ Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск: УлГУ, 2002. С. 109.

² Полубинская С. В. Цели уголовного наказания. М., 1990. С. 23.

³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 741.

⁴ Там же. С. 99.

Отсюда понятно, почему законодатель включил восстановление социальной справедливости в качестве цели уголовного наказания. Будучи острейшим средством разрешения конфликта между личностью и обществом и представляя собой понятную и доходчивую оценку для всех граждан самых важных, жизненно необходимых отношений в обществе, справедливое уголовное наказание способно быстро и ярко продемонстрировать обществу действующую систему ценностей.

На наш взгляд, рассматриваемая цель включает в себя прежде всего демонстрацию отрицательной оценки государством действий преступника, которая укрепляет уверенность членов общества в торжестве закона, «создание того, что посягающий на правоохраняемые интересы вызовет на себя реакцию и при том весьма чувствительную»¹, а также удовлетворяет нравственное негативное отношение к преступному поведению. Государство при восстановлении социальной справедливости решает задачу неприкосновенности правопорядка. Она же предусматривает моральную сатисфакцию потерпевшего, возмещение ему причиненного материального ущерба и морального вреда, хотя для российского права традиционно рассматривать данную задачу через призму гражданского судопроизводства.

По вопросу, на каком этапе реализуется цель наказания – восстановление социальной справедливости, в науке уголовного права нет единого мнения. А. И. Зубков считает, что достижение этой цели происходит уже на стадии назначения уголовного наказания². С точки зрения Ю. М. Ткачевского, восстановление социальной справедливости немыслимо без реального исполнения назначенного судом наказания, без реализации его карательной сути³.

Следующая цель наказания – предупреждение совершения новых преступлений. Традиционно она в теории подразделяется на частное (со стороны осужденного) и общее (иными лицами) предупреждение. Без исправления осужденного у нас не будет оснований для рассуждений о достижении частного предупреждения. Что же касается общего предупреждения, то связь между наказанием лица, совершившего преступление, и предупреждающим воздействием на иных лиц является неоднозначной.

Общепредупредительное воздействие наказания выражается в самом запрете совершения совокупности деяний, закрепленном в законе, и установлении определенных санкций за их совершение. Оно повышается, если обществу наглядно демонстрируются примеры справедливого наказания виновных в совершении преступления, если ни один факт противоправного общественного опасного деяния, посягнувшего на права и свободы че-

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. М., 1994. Т. 2. С. 74.

² Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. С. 385–386.

³ Ткачевский Ю. М. Соотношение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1998. № 2. С. 12.

ловека, не остается без внимания и реакции со стороны государства. Наказание, закрепленное в санкции, до момента совершения преступления обращено к неопределенному кругу лиц, несет в себе информацию о возможных неблагоприятных последствиях при нарушении закона и тем самым «пассивно» ограждает индивидов от совершения преступлений, является «действенным средством укрепления законности и правопорядка»¹.

Адресатом целей общего предупреждения является любое лицо. В. Н. Кудрявцев обоснованно отмечает, что «общепреventивное действие права заключается в предупреждении всех лиц, имеющих отношение к его предписаниям, о том, что эти предписания обязательны (желательны) для исполнения и обеспечены силой государственного принуждения или влекут положительные последствия в случае правового стимулирования поведения»².

Целью специального предупреждения является предупреждение совершения новых преступлений лицом, совершившим преступление. Назначая наказание, суд преследует цель предупредить возможность совершения осужденным другого преступления. И. И. Карпец к способам обеспечения цели специального предупреждения относил лишение преступника физической возможности совершить преступление, психическое воздействие на преступника и устрашение³.

В теории уголовного права как ранее, так и в настоящее время встречаются точки зрения, выделяющие цель предупреждения преступлений как основную. М. Д. Шаргородский, признавая исправление одной из первоначальных целей наказания, все же в большей степени считал ее средством для достижения основной цели наказания, к чему относил предупреждение совершения преступлений⁴. С. В. Максимов в процессе своих исследований, придя к аналогичной точке зрения, предложил предупреждение преступлений считать единственной целью наказания, посчитав выделение иных целей (восстановление справедливости и исправление осужденного) методологически и содержательно необоснованным⁵.

Вероятно, рассматриваемый подход связан с тем, что лицо способно не совершать новое преступление не в силу своего исправления, а в силу нежелания вновь подвергнуться наказанию. Тогда будет реализована исключительно цель предупреждения совершения нового преступления. Разумеется, достижение обеих целей предпочтительнее, ибо исправление осужденного дает больше гарантий для несвершения им нового преступления, но и простое их несвершение – уже успех наказания.

¹ Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 301.

² Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 139.

³ Карпец И. И. Индивидуализация наказания. М., 1961. С. 156–158.

⁴ Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1971. С. 31.

⁵ Максимов С. В. Указ. соч. С. 113.

Заключительной целью наказания является исправление осужденного. Данной цели уголовный закон придает особое значение, что не соответствует функциональным возможностям большей части наказаний.

Цель исправления осужденных заслуживает внимания еще и потому, что в специальной литературе понимается как комплексное социально-правовое и психолого-педагогическое воздействие на сознание осужденных.

И. Я. Фойницкий указывал, что «теориям исправления доктрина уголовного и пенитенциарного права обязана весьма важным положением, по которому наказание не должно быть развращающим ни для наказываемого, ни для общества. Теории исправления сблизили в области наказания интерес общественный с личным, показав, что наказание приносит обществу пользу всего надежнее путем доставления пользы самому наказываемому, воспитывая его в духе осознания своих социальных обязанностей и доставления ему возможности честной жизни по отбытии наказания»¹.

В уголовно-исполнительном законодательстве и пенитенциарной педагогике исправление осужденного выступает средством достижения цели наказания. Степень исправления осужденного – это конечный результат, который может быть достигнут в результате реализации этого процесса в пределах установленных приговором сроков наказания. В большей степени результат достижения целей наказания определяется не сроком наказания, а характером и интенсивностью применения основных средств исправления осужденных.

Представляется, что цель исправления в уголовном праве имеет свое отличительное свойство. Эта цель преследуется при непосредственном назначении наказания в соответствии с требованиями общих его начал. При этом происходит как бы предвосхищение результата – в будущем она будет считаться достигнутой, если осужденный не совершит новых преступлений и перестанет быть рецидивоопасным.

Теоретически цель исправления состоит именно в этом.

В то же время цели уголовно-исполнительного законодательства раскрываются через нормативное определение целей уголовного наказания. Такая ситуация объясняется прежде всего единством социального назначения уголовного наказания и уголовно-исполнительного законодательства в достижении исправления осужденных и предупреждения совершения ими и другими лицами новых преступлений. Как отмечает М. П. Мелентьев, это не случайное совпадение, а свидетельство взаимосвязи уголовного и уголовно-исполнительного законодательства на уровне социальных задач, определяемых политикой в сфере борьбы с преступностью².

¹ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 61.

² Мелентьев М. П. Новый этап в развитии российского пенитенциарного законодательства. Вступительная статья к Комментарию к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общей ред. П. Г. Мищенко. М., 1997. С. 6.

К сожалению, разъяснения понятия *исправления осужденного* (курсив автора) законодатель не приводит.

В то же самое время отметим, что в рамках ч. 4.1 ст. 79 УК РФ регламентировано: при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения.

В этой связи мы попытаемся расширить законодательную констатацию учитываемых факторов и установить, каким должно быть материальное основание для обоснованного и правильного применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Некоторые авторы считают, что ими могут быть только поведение осужденного и его отношение к исполнению обязанностей во время отбывания наказания. Поведение осужденного должно быть примерным по оценке органа, исполняющего наказание (отсутствие дисциплинарных взысканий, наличие поощрений), а отношение к исполнению обязанностей – добросовестным. Примерное поведение и добросовестное отношение к исполнению обязанностей могут свидетельствовать о высокой степени исправления осужденного, если они продолжались достаточно длительное время¹.

Другие полагают: вывод суда о том, что процесс исправления может проходить и за пределами места лишения свободы, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период нахождения в исправительном учреждении, а не только за время, непосредственно предшествовавшее рассмотрению представления. Следует принимать во внимание сведения о соблюдении режима в ИУ, его отношение к труду, его взаимоотношения с другими членами коллектива. При наличии взысканий за нарушение режима необходимо проанализировать характер нарушения и обоснованность применения мер воздействия².

Примечательным может являться следующий пример. Так, постановлением Сыктывкарского городского суда Республики Коми 7 июня 2011 г. Г., осужденному по приговору Московского городского суда от 1 июня 2000 г. по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, отказано в удовлетворении его ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2013. С. 166.

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. Н. Здравомыслова. М., 1996. С. 447.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Коми 26 августа 2011 г. и президиум Верховного Суда Республики Коми 14 декабря 2011 г. состоявшиеся по делу судебные решения оставили без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил отменить указанные судебные решения как незаконные и необоснованные. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 12 апреля 2012 г. надзорную жалобу удовлетворила по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее лишение свободы за совершение особо тяжкого преступления, подлежит условно-досрочному освобождению по отбытии 2/3 срока наказания, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Вывод суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за весь период отбывания наказания. Суду необходимо учитывать мнение представителя исправительного учреждения и прокурора о наличии либо отсутствии оснований для признания лица, не нуждающегося в дальнейшем отбывании наказания.

Взыскания, наложенные на осужденного за весь период отбывания наказания, с учетом характера допущенных нарушений подлежат оценке судом в совокупности с другими характеризующими его данными.

Отказывая в удовлетворении ходатайства осужденного, суд указал на допущенные нарушения режима содержания, за что он имел взыскания. Кроме того, совокупность обстоятельств, характеризующих его поведение в период отбытия наказания, свидетельствует о том, что он нуждается для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания.

Вместе с тем последнее из взысканий, наложенных на Г., было снято 20 мая 2004 г. С 6 июля 2006 г. осужденный переведен в облегченные условия отбывания наказания. Также осужденным было получено 52 поощрения, в том числе за примерное поведение, активное участие в общественной жизни отряда и колонии, добросовестный труд.

Согласно характеристике осужденного Г. вину в совершенном преступлении в период отбытия наказания он признал полностью, в содеянном раскаялся, в общении с представителями администрации вежлив, тактичен, на мероприятия воспитательного характера реагирует правильно.

В судебном заседании представитель администрации исправительного учреждения подтвердил вывод, указанный в характеристике, что условно-досрочное освобождение Г. является целесообразным.

Таким образом, из постановления суда непонятно, исходя из каких обстоятельств к Г. не может быть применено условно-досрочное освобождение.

Вывод суда кассационной инстанции о том, что были исследованы и получены надлежащие оценки всех обстоятельств и материалы, имеющие значение для рассмотрения ходатайства осужденного по существу, необоснован.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ постановление Президиума, постановление Сыктывкарского городского суда Республики Коми и определение кассационной инстанции отменила и материалы направила на новое судебное рассмотрение¹.

В соответствии же со ст. 53 УК РСФСР 1960 г. условно-досрочное освобождение от отбывания наказания могло быть применено к осужденному лишь в том случае, если он примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление и фактически отбыл при этом не менее определенной части срока наказания. Следовательно, если ранее уголовный закон требовал для применения УДО исправление лица в условиях исправительно-трудовой системы, то теперь в ст. 79 УК РФ первое из приведенных оснований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания фундаментально изменено.

По действующему законодательству условно-досрочное освобождение применяется в тех случаях, если суд признает, что для дальнейшего исправления осужденного нет необходимости в полном отбывании наказания. Формулировка не очень четкая. В ней отсутствуют какие-либо формальные критерии, на основании которых можно было бы сделать вывод о том, что для дальнейшего исправления осужденного нет необходимости в продолжении уголовно-исполнительного процесса.

Обоснованно ли это? Думается, что нет, поскольку одной из целей наказания, как уже было указано ранее, является исправление осужденного, а без достижения данной цели прекращать процесс исполнения наказания попросту нет оснований.

В свое время по вопросу о содержательной стороне понятия «исправление» в литературе была развернута широкая дискуссия.

«Исправить – значит искоренить отдельные негативные черты личности, поступки, несовместимые с нормальным поведением в обществе. Поэтому исправление есть определенная корректировка поведения человека, в общем чаще всего совершающего позитивные поступки»². А. И. Зубков говорит об юридическом исправлении, которое он видит в формировании осужденных в соответствии с положительными, общественно полезными правилами и традициями человеческого общежития и стимулировании их правопослушного поведения посредством воспитательной работы, общественно полезного труда, получения общего образования, профессиональной подготовки и общественного воздействия, осуществляемых в ус-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2012 г. № 3-Д12-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.

² Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. М., 1979. С. 9.

ловиях, создаваемых установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом)¹. А. М. Рейтборт олицетворял исправление изменением во взглядах и привычках осужденного, которые, по крайней мере, исключают возможность совершения им нового преступления, и устанавливал, что под «перевоспитанием понимаются последующие более глубокие изменения в сознании виновного, не только исключающие возможность рецидива, но и превращение бывшего правонарушителя в активного члена общества, определяющего свое поведение и поступки не страхом перед законом, а стремлением быть для него полезным»².

А. Ф. Сизый и А. И. Васильев понимают под ним «процесс устранения у правонарушителя антисоциальных привычек, приобщения его к положительной деятельности, привития положительных качеств»³.

С точки зрения Н. А. Беляева, исправление – это та оптимальная задача, которая должна быть решена при исполнении наказания. Об исправлении преступника можно говорить лишь тогда, – считал он, – когда под влиянием наказания в его сознании происходят изменения, при наличии которых преступник хотя и не превращается в активного, сознательного члена нашего общества, но уже становится безопасным для него⁴. Б. Б. Казак подходит к данному понятию несколько шире. По его мнению, исправление осужденных – это комплексная общегосударственная задача, в решении которой должны принимать участие все государственные органы и общественные организации, имеющие отношение к ее реализации⁵.

Комплексно рассматривал данное понятие Н. А. Стручков, который под исправлением осужденного понимал: «во-первых, результат определенного воздействия на лицо, совершившее преступление, во-вторых, специфический воспитательный процесс, протекающий в условиях исполнения наказания и применения мер исправительно-трудового воздействия»⁶.

Рассмотренные выше определения наглядно свидетельствуют о сложной психолого-педагогической и социально-правовой природе понятия «исправление осужденных», содержательная сторона которого в правовой области раскрывается по-разному. Во-первых, под исправлением осужденного понимается процесс по устранению у осужденного антиобщественной направленности. Во-вторых, исправление осужденного – это конечный результат деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания по изменению социальной направленности осу-

¹ Зубков А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 25.

² Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972. С. 142

³ Сизый А. Ф. Оценка степени исправления и перевоспитания осужденных. Рязань: РВШ МВД СССР, 1986. С. 9.

⁴ Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 46.

⁵ Казак Б. Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы / под ред. С. Н. Пономарева, С. А. Дьяковского. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. С. 254.

⁶ Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1987. С. 27.

жденных. И, в-третьих, исправление осужденных рассматривается как задача, стоящая перед учреждениями, исполняющими уголовное наказание.

Определение понятия «исправление» учеными в разное время можно продолжить, однако, в принципе, они мало чем отличаются один от другого. К тому же сам законодатель дает это понятие в самом законе. Так, в ч. 1 ст. 9 УИК РФ говорится: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Закон указывает и на основные средства исправления осужденных, к которым относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим); воспитательная работа; общественно полезный труд; получение общего образования; профессиональная подготовка и общественное воздействие (ч. 2 ст. 9 УИК РФ).

Анализ рассматриваемого понятия показывает, что в процессе формирования у осужденных социально полезных качеств личности законодатель акцентирует внимание на следующих показателях исправления осужденного:

- уважительное отношение к человеку;
- уважительное отношение к обществу;
- уважительное отношение к труду;
- уважительное отношение к нормам, правилам и традициям человеческого общежития;
- правопослушное поведение.

С точки зрения законодателя, совокупность данных показателей и является доказательством того, что в отношении осужденного достигнута одна из целей уголовного наказания. Данные качества личности осужденного – это основная характеристика человека, отражающая его способности определять направление своей деятельности в соответствии с конкретной ситуацией.

Так, под уважительным отношением к человеку, по нашему мнению, следует подразумевать осознанный и осмысленный характер взаимоотношений осужденного с людьми, основанный на признании человеческих достоинств и их уважении. При таком отношении у осужденного отсутствуют явное пренебрежительное отношение к людям, агрессивность, зависть и желание совершить в отношении другого человека преступление.

Уважительное отношение к обществу – это такая форма реализации направленности осужденного в жизни, когда во взаимоотношениях с окружающим его обществом он не противопоставляет себя ему. Значимость данного показателя исправления вытекает из того, что именно в обществе осужденный проходит процесс социализации, а впоследствии и ресоциализации. При наличии такого показателя исправления осужденный характе-

ризуется наличием высокого уровня общественного сознания и чувства общественного долга.

Мотивы уважительного отношения к труду должны строиться с пониманием социальной значимости труда для человека. При таком отношении к труду осужденный должен реально осознавать, что без труда человек не способен самореализоваться в жизни. В педологии давно доказана воспитательная роль труда. Именно поэтому в качестве одного из основных средств исправления осужденных включен общественно полезный труд. Как верно отмечает В. Л. Васильев, в процессе педагогической подготовки осужденных к труду у них должна формироваться психологическая готовность трудиться не только в условиях исправительного учреждения, но и на свободе, а это не одно и то же¹. Характеристика осужденного, свидетельствующая именно о таком отношении к труду, как раз и говорит о наличии у него показателя исправления.

Следующий показатель исправления осужденных – это уважительное отношение к нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Закрепляя данный показатель в исследуемом понятии, законодатель разграничил отношение осужденного к обществу и, соответственно, отношение осужденного к нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Тем самым подразумевается, что при исправлении осужденный должен не только уважительно относиться к обществу, но и соблюдать нормы, правила и традиции человеческого общежития, общепринятые в этом обществе. Именно поэтому уважительное отношение осужденного к закрепившимся общесоциальным нормам, правилам и традициям человеческого общежития свидетельствует о его состоявшемся исправлении.

Заключительным показателем исправления осужденных, вытекающим из приведенного определения, является правопослушное поведение. Данный термин имеет ключевое и принципиальное значение для понятия «исправление осужденного». Именно он в первую очередь отражает и наглядно показывает его направленность.

Поведение осужденных чрезвычайно разнообразно. Оно имеет различные формы выражения, мотивы, цели и последствия. Однако любое поведение людей позволяет выявить определенные интересы, ориентации, позиции в системе отношений организованного общества, т. е. любое поведение может выступать объектом моральной и правовой оценки. Соответственно, те особенности, которые порождают правопослушное поведение, должны быть первоочередным объектом оценки степени исправления осужденных. В то же время законодатель, нигде не закрепляя понятия правопослушного поведения, в теории права использует понятие «правомерное поведение», которое определяется как поведение, соответствующее предписаниям юридических норм. Данное определение наиболее лаконично определяет основную особенность данной формы поведения. Представ-

¹ Васильев В. Л. Юридическая психология. Спб., 2000. С. 595.

ляется, что понятия «правомерное поведение» и «правопослушное поведение» имеют равнозначное содержание.

Правомерное поведение признается единственно правильным, должным человеческим поведением, регулируемым правовыми нормами. Это поведение не противоречит нормам права, не запрещается правом, а требуется или допускается им.

Данное обстоятельство учитывает А. Ф. Сизый, определяя под правомерным поведением «социально значимое, осознанное, необходимое, полезное явление, которое соответствует предписаниям правовых норм, не причиняет вред субъектам реализуемых правоотношений и влечет за собой государственное одобрение либо в предусмотренных законом случаях применение к ним поощрительных средств»¹. Как можно заметить, автор аргументированно объединяет две взаимообусловленные проблемы: правомерное поведение и основание возникновения поощрительных правоотношений, которые возникают в результате данной формы поведения. Указанное положение особо актуально в уголовно-исполнительной сфере применительно к осужденным, которые должны реально представлять, что результаты оценки степени их исправления, полученные на основании изучения их правомерного поведения, станут тем юридическим фактом, который будет положен в основу применения или неприменения к ним поощрительных мер. С другой стороны, правомерное поведение не всегда сопряжено с отсутствием вреда. Так, в уголовном праве существует целый комплекс правовых институтов, связанных с причинением определенного вреда другим субъектам правоотношения, но в то же время по сути являющимися формами правомерного поведения².

С учетом изложенного под правопослушным поведением осужденного следует понимать такой уровень социально полезного поведения осужденного, который характеризуется добросовестным отношением к требованиям режима отбывания наказания и выражается в строгом и неукоснительном выполнении своих обязанностей, дисциплинированности, соблюдении распорядка дня и правил поведения в быту, на работе и отдыхе.

В итоге, проанализировав понятие «исправление осужденных», можно отметить, что законодатель занял позицию тех правоведов, педагогов и психологов, которые под исправлением осужденных понимают целенаправленную деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. С этой целью он использует следующую формулировку: исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (наглядно видна формула закона: «исправление – это формирование и стимулиро-

¹ Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1995. С. 232.

² Все они объединены в обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, и регулируются гл. 8 УК РФ.

вание», то есть определенный процесс). Вместе с тем он учитывает позицию и других ученых, включая в данное определение и конечный результат этого исправления – уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и правопослушное поведение.

Безусловно, это весьма удачный вариант данной дефиниции. В нем нашли отражение оба семантических значения термина: исправление осужденных как конечный результат, цель деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, и исправление осужденных как процесс формирования у них вышеупомянутой направленности.

В целом анализ показателей исправления осужденных, закрепленных в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, свидетельствует о том, что, оценивая исправление осужденных, администрация исправительного учреждения должна подойти к этому вопросу комплексно и всесторонне. Такой широкий спектр показателей исправления осужденных как конечного результата применения уголовного наказания показывает, что законодатель выбрал достаточно жесткую позицию в этом вопросе, снизив до минимума возможность ошибки.

Понятие «исправление» является ключевым для применения многих норм уголовно-исполнительного законодательства, а особенно для определения степени исправления осужденных. Являясь социальным назначением лишения свободы как вида наказания и выступая в качестве объекта правовой оценки, исправление осужденных представляет собой определенный результат, состоящий из совокупности показателей. Значение данных показателей состоит в том, что каждый из них в отдельности характеризует самостоятельную область в направленности личности осужденного и тем самым дает необходимую информацию о результатах исправительного процесса в этой области.

Системный подход к достижению целей наказания требует установления определенных критериев, которые бы являлись элементами обратной связи в процессе исправительного воздействия и определении его результата. В уголовном законодательстве прямо не указываются критерии исправления осужденного. В случае освобождения от уголовной ответственности или наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания или освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью в законодательстве указываются опосредованные критерии, характеризующие в определенной мере степень исправления осужденного. Приведенные выше признаки не могут в достаточной мере свидетельствовать о степени исправления, поскольку они нередко вытекают из внешней регуляции поведения лица, вызываемой специфическими условиями его содержания при осуществлении исправительного воздействия¹.

¹ Петин И. А. Понятие, этапы и критерии исправления // Российский следователь. 2008. № 8.

Мы полностью уверены в том, что оценка степени исправления осужденных может быть объективной только в том случае, когда будут четко установлены конкретные законодательные требования к их поведению.

Ранее действовавшее законодательство связывало с достижением исправления ряд определенных правовых последствий. Так, в теории уголовно и уголовно-исполнительного права выделялось понятие «степень исправления осужденного», под которым принято было понимать определенную стадию процесса как качественное изменение сознания осужденных. Устанавливалось, что «в процессе осуществления исправительно-трудового воздействия необходимо дифференцировать осужденных на основе восприимчивости их к ресоциализации, т. е. степени исправления»¹.

И. В. Шмаров выделял следующие степени исправления осужденных²:

1. Встал на путь исправления – осужденный положительно относится к режимным требованиям, труду и иным основным средствам исправительно-трудового воздействия, доказывает стремление порвать с преступным прошлым.

В ИТК РСФСР 1970 г. данная степень исправления вытекала из ч. 1 ст. 51, где был закреплён перечень определенных мер поощрений, которые могли применяться к осужденным «за хорошее поведение и честное отношение к труду и обучению». Как видно из текста, конкретная формулировка данной степени исправления в действовавшем тогда ИТК РСФСР отсутствовала. Несмотря на это, в теории и в практике исправительно-трудового права довольно активно применялась формулировка «осужденный встал на путь исправления». Указанная формулировка вытекала из диспозиции ст. 77¹ УК РСФСР, в которой указывалось, что «лица, отбывающие наказания в виде лишения свободы, терроризирующие в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки <...> привлекаются к уголовной ответственности»³.

На данной стадии, по мнению В. Д. Филимонова, у осужденного возникают определенные изменения, которые отражают возникновение в его сознании нового отношения к тому объекту, на который он посягал. Однако это отношение является не личностным, а ситуативным, оно поддерживается постоянным влиянием тех исправительных мер, которые к нему применяются. Если исправительное воздействие прекращается на этой стадии применения наказания, то совершение лицом нового преступления не исключено⁴.

¹ Сундулов Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. С. 58.

² Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. С. 41.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁴ Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 183.

Указанная степень исправления отражает первоначальное позитивное изменение в направленности осужденного. Согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству для отнесения осужденного к указанной степени исправления необходимо наличие у него обобщающих показателей, закрепленных в ч. 1 ст. 113 УИК РФ. Только при всей их совокупности можно говорить о начале позитивного изменения в его сознании. Тот, кто проявляет неуважительное отношение к труду и обучению при всех прочих положительных качествах, не может считаться становящимся на путь исправления. В то же время, как верно отмечают А. Ф. Сизый и А. И. Васильев, если осужденный строго выполняет обязательные правовые требования, но не занимается физической культурой или не посещает кружок самодеятельной организации и т. д., то это вовсе не означает, что осужденный не стремится к исправлению¹.

В данном случае, на наш взгляд, все должно решаться с учетом сопоставления всей совокупности обобщающих показателей и индивидуальных особенностей личности осужденного.

2. Твердо встал на путь исправления – осужденный в течение значительного времени не нарушает режимных требований, добросовестно относится к труду и учебе, однако положительные изменения еще не сложились в устойчивые навыки и привычки поведения.

В литературе достижение данной степени исправления связывается, как правило, с продолжительностью во времени позитивных изменений².

С точки зрения В. Д. Филимонова, данная степень исправления предполагает, что в сознании осужденного складывается новое отношение к общественным ценностям. Элементы старого антисоциального отношения еще полностью не устранены, но его основа подорвана. Уже явно проглядывает целая система представлений, потребностей, чувств, интересов, характеризующих новое личностное отношение и, что очень важно, свойственные ему волевые качества³.

А. Ф. Сизый и А. И. Васильев отмечают, что при анализируемой степени исправления осужденного у администрации ИУ есть уверенность в том, что при правильном воздействии он сумеет окончательно исправиться, преодолеть нравственные пороки, породившие преступление, отрицательные привычки, взгляды, убеждения⁴.

Достижение указанной степени исправления не означает, что осужденный полностью исправился и процесс воспитательного воздействия завершен. Несмотря на то что данная категория осужденных и приобрела достаточно устойчивые навыки, привычки общественно полезного поведения, правильного отношения к средствам исправления, все же степень со-

¹ Сизый А. Ф. Указ. соч. С. 37.

² Беляев В. Г. Применение уголовного закона. Волгоград, 1998. С. 33.

³ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 184.

⁴ Сизый А. Ф. Указ. соч. С. 42.

циально-нравственной запущенности у них устранена не полностью, и при резком изменении условий остаточное негативное влияние может получить подкрепление в виде отрицательного воздействия внешней среды, в результате чего достигнутые результаты воспитательной работы могут быть сведены на нет.

3. Доказал свое исправление – в процессе отбывания наказания осужденный приобрел достаточно устойчивые навыки и привычки общественно полезного поведения.

Рассматриваемая степень исправления во многом обусловлена применением основной меры поощрения. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания – важнейший стимул для осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы.

В данном случае исходя из исторического анализа хотелось бы отметить ст. 417 Свода Учреждений и Уставов о содержащихся под стражею, в которой предусматривалось, что досрочное освобождение могло быть представлено заключенным в том случае, если их одобряемое поведение во время заключения давало достаточные основания полагать, что по освобождении из заключения они будут вести добропорядочный образ жизни. Несколько позднее в ст. 23 Уголовного Уложения было закреплено, что основаниями применения досрочного освобождения являются хорошее поведение осужденного, выражающееся в его трудолюбии, отсутствии нарушений, проявление желания к исправлению.

Исправительно-трудовая колония РСФСР 1970 г. также выделяла данную степень исправления. Ее формулировка была представлена как «осужденный доказал свое исправление», т. е. для данной категории осужденных цели наказания считались уже достигнутыми, а сами они считались исправившимися. В литературе того времени считалось, что осужденный, имеющий данную степень исправления, приобрел необходимые общеобразовательные и профессиональные знания, трудовые навыки и умения, выработал привычку честно трудиться¹, а степень исправления являлась высшей оценкой правопослушного образа жизни осужденного².

Как отмечал В. Д. Филимонов, критерии полного исправления по сравнению с критериями твердого становления осужденных на путь исправления характеризуются двумя особенностями. В частности, проявляется более длительное время и позволяет сделать вывод о полной независимости примерного поведения и честного отношения к труду и обучению от влияния на осужденного мер карательно-воспитательного воздействия³.

Иными словами, и в теории, и на практике было выработано достаточное количество критериев, которыми следовало руководствоваться су-

¹ Исправительно-трудовая педагогика. М.: ВШ МООП СССР, 1967. С. 48.

² Ленский В. М. Организационно-правовые проблемы досрочного освобождения осужденных из ИТУ: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 113.

³ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 201.

ду при освобождении осужденных от наказания. Законодатель, пытаясь уйти от использования оценочных понятий, применявшихся в уголовном и исправительно-трудовом кодексах РСФСР («встал на путь исправления», «твердо встал на путь исправления», «доказал свое исправление»), не смог заменить их приемлемыми.

Так, закрепляя в качестве цели наказания исправление осужденных, законодатель в настоящее время совершенно по-иному подошел к ее реализации в конкретных правовых нормах. Уголовное законодательство решение вопроса об исправлении осужденного полностью отдало на судебное рассмотрение – «если будет признано, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» (ч. 1 ст. 79 УК РФ) и все, а степень исправления значения не имеет¹.

Указанная законодательная формулировка слишком аморфна, расплывчата, неопределенна и может создать трудности для правоприменителей, которым уже сегодня надо руководствоваться какими-то конкретными критериями при представлении осужденных к УДО и вынесению определения об освобождении.

В связи с вышеизложенным установление критериев степени исправления осужденных, на наш взгляд, обязательно. Без их выделения невозможно с достаточной долей вероятности прогнозировать достижение рассматриваемой цели наказания.

Г. П. Байдаков справедливо отмечал по этому поводу, что разработка психолого-педагогических критериев определения степени исправления осужденных является одной из важнейших составных частей проблемы анализа теоретических основ концепции исправления осужденных².

Термин «критерий» (греч. Kriterion) означает признак, на основании которого производятся оценка, определение или классификация чего-либо. В современном семантическом понимании «критерий» подразумевает под собой «мерило оценки»³.

Таким образом, критерий оценки степени исправления осужденного – это юридически значимая область в направленности его личности, выражающаяся в определенных признаках и показателях, которые свидетельствуют о наличии или отсутствии исправления у осужденного.

Исследуя данные показатели, З. А. Астемиров справедливо отмечает, что «разработка показателей, которые свидетельствовали бы о соответствующих степенях исправления, представляет не только научно-теоретический, но и практический интерес»⁴.

¹ Зубков А. И. Законодательство как гарант реализации цели исправления // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 28.

² Байдаков Г. П. Психолого-педагогические критерии определения степени исправления осужденных в ИТК // Проблемы дифференциации исполнения наказаний: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 67.

³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 301.

⁴ Астемиров З. А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы // Труды Рязанской ВШ МВД СССР. Вып. I. 1973. С. 74.

Объективный вывод о наступлении указанных оснований во многом определяет дальнейшее поведение осужденного после освобождения. Такой вывод можно сделать только на основании анализа всех данных, характеризующих личность осужденного. Например, сотрудники учреждений, исполняющих наказания, устанавливают определенные критерии степени исправления в случае с каждым конкретным осужденным и составляют их характеристику в период отбывания наказания.

Отступление от данных критериев может привести к освобождению осужденных, склонных в дальнейшем к нарушению правил общежития, а также совершению умышленных преступлений.

Так на основании каких же данных суд должен прийти к выводу о том, что лицо, осужденное к лишению свободы, для своего исправления не нуждается в полном отбывании срока наказания?

Из нормативно-правовых предписаний действующего УИК РФ можно выделить следующие критерии оценки для отнесения осужденного к той или иной степени исправления:

- поведение осужденного;
- отношение к общественно-полезному труду (ст.ст. 78, 120, 122, 124, 132 УИК РФ);
- отношение осужденного к обучению (ст.ст. 108, 112 УИК РФ);
- участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях (ст. 109 УИК РФ);
- отношение осужденного к совершенному деянию (ст. 175 УИК РФ);
- частичное или полное возмещение причиненного ущерба (ст. 175 УИК РФ).

Рассмотрим данные критерии оценки и вытекающие из них обобщающие показатели и признаки исправления.

1. Поведение осужденного в период отбывания наказания.

Одним из основополагающих моментов всесторонней оценки личности осужденного, на наш взгляд, будет являться его поведение за весь период отбывания наказания в ИУ, а не за время, непосредственно предшествующее рассмотрению представления.

В целом понятие «поведение» довольно емкое по своему содержанию. По существу, оно охватывает все внешние проявления личности человека (жесты, мимика, поступки), свидетельствующие о его внутреннем мире, психологических особенностях и выражающие его отношение к другим людям, нравственным ценностям и социальным требованиям.

В общеправовом значении поведение человека – это «система действий <...>, в которых проявляются его внутренние побуждения и устремления»¹. Оно было и остается основополагающей характеристикой личности человека и выражается в различных сферах его жизнедеятельности: на работе, на отдыхе, в быту и т. д.

¹ Теория государства и права / В. А. Козлов, К. Е. Ливанцев, А. И. Королев и др. Л., 1987. С. 499.

Мы согласны, что само по себе соблюдение требований режима является критерием исправления лишь в том случае, если лицо осознает общественную полезность подобного поведения и органично включилось в процесс самовоспитания. Если же общественно полезное поведение осужденного имеет место лишь потому, что он постоянно испытывает на себе воздействие исправительных мер, и может прекратиться сразу после того, как осужденный окажется в новых условиях, то оснований считать его исправившимся нет. Поэтому необходимо, чтобы общественно полезное поведение осужденного продолжалось на протяжении значительного количества времени¹.

Включая данный критерий в механизм оценки степени исправления осужденных, законодатель ставит вопрос о необходимости определения уровня соблюдения осужденным требований, вытекающих из режима отбывания наказания. Причем специфика данного критерия заключается в том, что он должен основываться на постоянном и систематическом наблюдении сотрудниками исправительного учреждения за осужденным.

Особое место в рассматриваемом критерии исправления осужденного занимает, на наш взгляд, система мер поощрений и взысканий. Так, меры поощрения – это, с одной стороны, средство, стимулирующее дальнейшее исправление лиц, отбывающих наказание, и, с другой стороны, свидетельство положительных изменений в поведении осужденного. Именно поэтому при решении вопроса об УДО указанных лиц суды придают серьезное значение их поощрениям.

Мы согласны, что «разумная система взысканий не только законна, но и необходима. Она помогает оформиться крепкому человеческому характеру, воспитывает чувство ответственности, тренирует волю, человеческое достоинство, умение сопротивляться соблазнам и преодолевать их»².

Поведение является решающим фактором в формировании положительных или отрицательных установок личности, характеризуется наличием или отсутствием со стороны осужденного нарушения режима отбывания наказания. Если осужденный не нарушал установленный режим отбывания наказания и к нему не применялись меры взыскания, то это свидетельствует о способности его соблюдать установленные правила поведения.

2. Отношение осужденного к общественно полезному труду.

Труд – это целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей³.

А. Ф. Сизый и А. И. Васильев считают, что отношение к труду служит одним из главных оценочных доказательств исправления лиц, отбы-

¹ Смышляев В. В. Уголовно-правовой механизм реализации лишения свободы. Ульяновск, 2000. С. 91–92.

² Макаренко А. С. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1962. С. 379.

³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 802.

вающих уголовные наказания. Поэтому разработка содержания этого комплексного понятия имеет немаловажное значение для практической деятельности органов, исполняющих наказания¹. По мнению А. В. Бриллиантова, данный критерий оценки является одним из самых существенных. По отношению к труду можно судить о мировоззрении осужденного, его установках, поведении как в период отбывания наказания, так и после освобождения².

«Отношение к труду, – отмечает Т. Ф. Минязева, – самый наглядный критерий желания осужденного встать на путь исправления». По ее мнению, за всю историю человечество не выработало более совершенного критерия исправления осужденных, чем труд, так как отношение к труду определяется прежде всего желанием осужденного работать, проявлять инициативу в организации производственной деятельности, стремлением овладеть соответствующей профессией, повысить производительность труда³.

Данные точки зрения ученых совершенно обоснованны, однако, на наш взгляд, необходимо учитывать и высокий уровень безработицы в местах лишения свободы. Очевидно, что в современных условиях безоговорочная постановка данного критерия оценки на одно из главных мест была бы не правильной и не справедливой в отношении осужденных. А. И. Зубков по этому поводу отмечает, что изменение политики в сфере исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными повлекло и снятие акцента с труда осужденных как основы их исправления⁴.

3. Отношение осужденного к обучению.

Рассматриваемый критерий оценки прямо закреплен в законе. Часть 3 ст. 108 и ч. 4 ст. 112 УИК РФ указывают, что отношение осужденного к получению начального профессионального образования и профессиональной подготовки, а также получение осужденным основного общего и среднего (полного) общего образования учитываются при определении степени их исправления.

А. Ф. Сизый и А. И. Васильев пишут, что добросовестное отношение к обучению как показатель исправления предполагает старательную и добросовестную учебу осужденного в общеобразовательной школе и в системе профессионально-технического обучения. При этом, по их мнению, необходимо рассматривать такие показатели, как тот или иной осужденный соблюдает установленные правила для учащихся (успеваемость, посещаемость), проявляет ли интерес к учебе, осознанно ли воспринимает процесс обучения или только по принуждению и др. У тех осужденных, для кото-

¹ Сизый А. Ф., Васильев А. И. Указ. соч. С 33.

² Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 123.

³ Минязева Т. Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001. С. 108.

⁴ Зубков А. И. Вступительная статья // Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / рук. авт. кол. проф. А. И. Зубков. М., 1997. С. 111.

рых получение основного и полного образования обязательным не является, должно оцениваться их отношение к другим видам обучения¹.

По мнению В. Степанова, отношение к учебе нельзя признать тем критерием, который объективно оценивает степень исправления осужденных, и его можно применить не ко всем претендующим на УДО. Если в отношении несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, его можно признать безоговорочно, то в отношении лиц, содержащихся в исправительных колониях, этого сказать нельзя. По действующему законодательству в ИУ организуется обязательное получение осужденными к лишению свободы, не достигшими возраста 30 лет, среднего (полного) общего образования (ч. 1 ст. 112 УИК РФ). Следовательно, все остальные осужденные обучаются по их желанию. Это означает, что лица, не достигшие 30 лет, но имеющие образование, и лица старше 30 лет могут не учиться².

На наш взгляд, добросовестное отношение к обучению как обобщающий показатель исправления предполагает наличие таких признаков исправления, как соблюдение осужденным правил для учащихся (дисциплинированность), систематичность посещения занятий, его успеваемость и самостоятельность в получении знаний, мотивы обучения (добровольно или по принуждению), устойчивость познавательных процессов, стремление к самообразованию и продолжению образования после освобождения.

В целом можно сформулировать, что рассматриваемый критерий как показатель исправления осужденного – это его осознанное стремление к изучению учебных программ, выражающееся в успешном освоении специальных знаний и практических навыков по выбранной профессии, дисциплинированности и регулярном посещении занятий. Отсутствие указанных признаков или же вообще отказ осужденного от обучения свидетельствуют об отсутствии исправления как такового.

4. Участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях.

Воспитание наряду с трудом и обучением – один из главных факторов, определяющих формирование личности осужденного. Учитывая большую значимость воспитательной работы в процессе исправления осужденных, законодатель установил, что участие осужденных в проводимых воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени их исправления (ч. 2 ст. 109 УИК РФ).

Исходя из анализа ч. 1 ст. 113 УИК РФ, для применения указанных в ней мер поощрений необходимо наличие не только хорошего поведения, добросовестного отношения к труду и обучению у осужденного, но и его активного участия в воспитательных мероприятиях.

¹ Цит. по: Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденного к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/03/0392/030892023.pdf>.

² Степанов В. Критерии оценки степени исправления осужденных при применении условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2009. № 5. С. 84.

Вместе с тем распорядком дня исправительного учреждения могут быть предусмотрены воспитательные мероприятия, участие в которых обязательно для осужденных (ч. 3 ст. 109 УИК РФ).

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ воспитательная работа рассматривается как «система педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения»¹.

Важным в воспитательной работе следует считать ее практическую значимость. Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы осуществляется дифференцированно в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психолого-педагогических методов. Наиболее эффективной является индивидуальная работа с осужденным, осуществляемая на основе бесед как с самим осужденным, так и с его родственниками, прибывающими в ИУ на длительные и краткосрочные свидания. В ходе их устанавливаются изменения в нравственной и психоэмоциональной сферах личности осужденного, выявляются положительные тенденции в развитии социально полезных связей. А это позволяет делать более объективные выводы о ходе процесса его исправления и прогнозировать возможное поведение после условно-досрочного освобождения².

5. Отношение осужденного к совершенному деянию.

Значимость для оценки данного критерия трудно переоценить. В Концепции по этому поводу указывается, что одним из наиболее важных показателей нравственной характеристики осужденного следует считать оценку им совершенного преступления и назначенного наказания, обстоятельств, приведших к преступлению.

Н. В. Есин отмечает, что отношение осужденного к совершенному преступлению является основным критерием при общей оценке его личности³. Не менее категоричны и другие авторы. С точки зрения С. Боронбекова, процесс исправления осужденного находится в прямой зависимости от его субъективного отношения к совершенному преступлению и назначенному наказанию⁴. В. Б. Первозванский считает, что признание осужденным вины в совершенном преступлении является важнейшим показателем степени его исправления⁵.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

² Степанов В. Указ. соч. С. 85.

³ Есин Н. В. Комментарий к ст. 9 УИК РФ и Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общей ред. П. Г. Мищенко. М., 1997. С. 49.

⁴ Боронбеков С. Влияние субъективной стороны элемента состава преступления и наказания и их последствий на процесс исправления осужденного // Проблемы совершенствования исполнения уголовного наказания. Рязань: РВШ МВД России, 1992. С. 75, 79.

⁵ Первозванский В. Б. Комментарий к ст. 109 УИК РФ // Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / рук. авт. кол. проф. А. И. Зубков. М., 1997. С. 233–234.

Сущность процесса исправления с точки зрения достижения такой цели заключается в том, чтобы осужденный осознал необходимость собственного исправления и сам действовал с подобной установкой. Необходимой предпосылкой для этого является формирование у осужденных правильного отношения к преступлению. Осужденный, не раскаивающийся в совершенном преступлении и считающий наказание несправедливым, практически не поддается исправлению – он просто не видит в этом необходимости, а наказание воспринимает только как кару. Таким образом, сущность исправления – это самоисправление.

Из вышеизложенного можно заключить, что осужденный в соответствии с уголовным законом для применения к нему условно-досрочного освобождения осуществляет свое исправление, и суд в итоге должен оценивать именно его, а не итог деятельности администрации исправительного учреждения, которая воздействовала на него основными средствами исправления. По сути, суд признает, как лицо исправилось, а не как его исправили.

В конечном итоге необходимо поставить данный критерий на одно из первых мест, активно применять его в ходе проводимой оценки исправления осужденного в качестве одного из основополагающих условий применения к нему условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, поскольку он характеризует довольно значимую для правовой оценки область данных в структуре личности осужденного.

В контексте этого представляется необходимым привести слова М. И. Еникеева: «Исправление осужденного не может быть достигнуто только путем внешнего воздействия. Для этого необходимо покаяние – самоснятие вины преступником посредством ее признания и чистосердечного самоосуждения – раскаяния как искреннего осуждения провинившимся своей вины, готовности (и даже желания) понести наказание, глубокого самоосуждения за свое антисоциальное поведение. Раскаяние в совершенном преступлении – этот психический акт самооценки осужденным своего поведения. Отсюда исправить осужденного – значит осуществить его ценностную переориентацию»¹.

Раскаяние в совершенном преступлении, по справедливому замечанию В. А. Елеонского, имеет решающее значение для исправления осужденных².

Раскаяние – это, во-первых, результат мышления, приведший к убеждению в ошибочности совершенных ранее действий³, а во-вторых, один из ведущих специфических элементов нравственной ответственности осу-

¹ Еникеев М. И. Общая и юридическая психология. М.: Юридическая литература, 1996. С. 477.

² Елеонский В. А. Отношение осужденных к наказанию и вопросы повышения эффективности их исправления и перевоспитания в местах лишения свободы. Рязань: РВИИ МВД СССР, 1976. С. 162.

³ Практикум по пенитенциарной психологии. Рязань, 1996. С. 131.

жденных, определяющих особенности ее формирования¹. Именно поэтому выявленное в ходе оценки раскаяние осужденных в совершенном преступлении позволяет судить о положительных изменениях в их поведении, происшедших при реализации уголовного наказания и применения мер исправительного воздействия в течение более или менее продолжительного срока отбывания наказания. Данный показатель свидетельствует об окончательной, коренной перестройке личности осужденного, когда вместо негативных, антисоциальных и прочих подобных отрицательных качеств вырабатываются противоположные, отвечающие общим интересам и социальным ценностям интересы.

Раскаяние по сравнению с осознанием вины – это категория более высокого уровня. Соответственно, по сравнению с осознанием причиненного вреда раскаяние обозначает активную работу личности по своему самоусовершенствованию в связи с отрицательной оценкой им своего прошлого поведения, то есть это отрицательное психическое отношение лица к содеянному. Последнее обстоятельство есть, по сути, главное, что должно быть достигнуто в результате применения уголовного наказания.

В. М. Розин также отмечает значение данного обобщающего показателя и указывает, что осознание осужденным совершенных им в прошлом неправомερных поступков является важным показателем исправления осужденного².

Осужденный, раскаявшийся в совершенном деянии, – это лицо, которое стремится порвать с преступным прошлым, не ограничивающееся только исполнением всех требований режима отбывания наказания, а соблюдающее обязанности общегражданского долга (правильное отношение к семье, родственникам, негативное отношение к нарушителям режима, отрицание «традиций» преступного мира, проявление стремления начать новую жизнь и вернуть прежние социальные связи). Указанные признаки в ходе оценки степени исправления осужденных должны свидетельствовать о глубокой личностной перестройке осужденного и коренном изменении системы его ценностных ориентации.

6. Частичное или полное возмещение причиненного ущерба.

Применение указанного критерия как материального основания освобождения от отбывания наказания, а также законодательное его урегулирование способствуют достижению целей уголовного наказания ввиду того, что возмещение вреда, причиненного преступлением, является, на наш взгляд, одним из существенных аспектов восстановления социальной справедливости.

Мы поддерживаем мнение, что об исправлении осужденного необходимо судить не только по дисциплинированности осужденных и отно-

¹ Литвишков В. М. Нравственная ответственность и ее формирование у несовершеннолетних осужденных. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. С. 34.

² Розин В. М. Психология для юристов. М., 1997. С. 64–72.

шении их к труду, но и по тому, какие шаги и меры они предпринимают по возмещению причиненного в процессе преступления ущерба¹.

В этой связи в качестве примера можно обратить внимание на зарубежный опыт регламентации указанного критерия.

Так, в УК Испании возмещение ущерба, причиненного преступлением, может состоять в обязанности осужденного передать, сдать или сделать то, что устанавливают суд или трибунал в соответствии с характером причиненного преступлением ущерба и личными обстоятельствами виновного за его счет или им самим (ст. 112)².

В ст.ст. 153-8 и 153-10 УК Франции предусмотрено, что помилование и амнистия не препятствуют потерпевшему получить возмещение ущерба, причиненного преступлением. Согласно ст. 132-45 УК суду или судье по исполнению наказания дано право предписывать условно осужденному к тюремному заключению (с отсрочкой исполнения наказания с режимом испытания) выполнять определенные обязательства. Одним из них (п. 5) является возмещение «целиком или полностью», в зависимости от возможностей виновного, ущерба, причиненного преступлением, даже при отсутствии решения по гражданскому иску³.

УК ФРГ (ст. 56 b) регламентирует возможность возложения на условно осужденного обязанности возмещения вреда (полного или частично), причиненного преступлением. Указанное возмещение может быть выражено в выплате определенных сумм денег или же в выполнении определенных работ⁴.

Немаловажно, что на практике факт активного возмещения осужденным вреда, причиненного совершенным им преступлением, вполне закономерно оценивается администрацией мест лишения свободы как обстоятельство, позитивно характеризующее его личность.

Все вышеперечисленные нами данные, характеризующие личность осужденного, должны учитываться в тесной взаимосвязи друг с другом, ибо отдельно взятые они являются косвенными доказательствами, т. е. фактами, которые лишь частично могут свидетельствовать об исправлении осужденного.

Оценка всех данных в совокупности позволяет сделать объективный вывод о достижении процесса исправления такой стадии, когда по отношению к осужденному может быть прекращено дальнейшее применение воздействия и достаточно лишь осуществления контроля со стороны уполномоченного государственного органа. В том случае, если поведение осужденного не зависит от воздействия применяемых к нему карательных и

¹ Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений. Владивосток, 2002. С. 78.

² Уголовный кодекс Испании 1995 г. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 43.

³ Уголовный кодекс Франции. Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 1999. С. 197.

⁴ Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000. С. 29.

воспитательных мер, стабильно положительных, то можно считать его подготовленным для освобождения от наказания¹.

Относительно критериев материального основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания формулировка «если судом будет признано» нуждается в некотором уточнении. По-видимому, в данном случае более обоснованно полагать, что должны существовать определенные объективные фактические доказательства становления личности на путь исправления, а также значительного уменьшения ее общественной опасности. Именно они детерминируют решение суда в пользу применения рассматриваемого института и, будучи представлены в законодательной конструкции, придадут большую конкретность указанной норме, посвященной условно-досрочному освобождению от отбывания наказания.

Реализация обозначенных критериев даст большую вероятность отсутствия негативных последствий ресоциализации осужденных в период испытательного срока.

Необходимо также указать, что существенные изменения действующим уголовным законодательством внесены в положение об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте (ст. 93 УК РФ). В первую очередь нужно отметить, что законодатель выделил в отдельную главу (гл. 14 УК РФ) положения об основных особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних, виды наказаний, назначаемые им, который определяет порядок назначения наказания и освобождения от него. Согласно ст. 93 УК РФ несовершеннолетний может быть условно-досрочно освобожден от отбывания наказания при осуждении за преступление небольшой или средней тяжести либо за тяжкое преступление по отбытии 1/3 срока наказания, за особо тяжкое преступление – 2/3 наказания.

Статья 87 УК РФ позволяет распространять положения ст. 93 УК РФ на лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, а не только на лиц, являющихся несовершеннолетними в момент рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении.

В то же время если ранее (ст. 55 УК РСФСР 1960 г.) в качестве обязательной предпосылки условно-досрочного освобождения несовершеннолетнего требовалось доказать исправление осужденного примерным поведением и честным отношением к труду и обучению, то в ст. 93 УК РФ подобное требование отсутствует. Уголовное законодательство, не определяя материального основания УДО, связанного с поведением осужденного и позволяющего признать, что для достижения целей наказания несовершеннолетний не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания, может указывать лишь на то обстоятельство, что существующие проблемы ст. 93 УК РФ для дальнейшего соответствия в регламентации рас-

¹ Смышляев В. В. Указ. соч. С. 88.

сматриваемого института должны быть позаимствованы из общей нормы – ст. 79 УК РФ. Но даже при отсутствии указаний на исправление применение УДО к несовершеннолетним не может быть осуществлено автоматически при достижении необходимого срока.

Основываемся, в первую очередь, на то, что автоматизм рассматриваемого вида поощрения предопределял бы возможность освобождения без наличия законопослушного поведения в период отбывания наказания, а вторым и наиболее важным моментом является указание закона о возможности, а не обязанности суда в применении указанного освобождения. Преимущественно же все положения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания лиц, достигших совершеннолетия, распространяются и на несовершеннолетних, за исключением ч. 5 ст. 79 УК РФ и вопросов погашения судимости.

Согласно закону, если осужденный был досрочно освобожден от отбывания наказания, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний. При условно-досрочном освобождении от отбывания наказания судимость складывается из срока отбывания наказания до УДО и периода реализации испытательного срока с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний (ч. 7 ст. 79 и ч. 4 ст. 86 УК РФ). Помимо этого при безупречном поведении осужденного судимость по его ходатайству может быть снята судом досрочно, т. е. до истечения срока погашения судимости (ч. 5 ст. 86 УК РФ).

Обращает на себя внимание тот факт, что испытательный срок при применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, являющийся сроком судимости, преимущественно меньше установленных сроков погашения судимости на основании пп. «в», «г», «д» ч. 3 ст. 86 УК РФ.

При исчислении сроков погашения судимости разрешение вопроса о конкуренции норм в пользу специальной нормы (ст. 79 УК РФ) представляется логически оправданным и подтвержденным как теоретически, так и на основании правоприменительной практики.

Погашение судимости в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания за преступления, совершенные ими в несовершеннолетнем возрасте, осуществляется в соответствии с предписаниями ст. 95 УК РФ. Эти сроки, по сравнению с общими сроками, сокращены и соответственно равны:

- а) 1 году после отбытия лишения свободы за преступление небольшой или средней тяжести;
- б) 3 годам после отбытия лишения свободы за тяжкое или особо тяжкое преступление.

В завершение рассматриваемого параграфа можно сделать следующие выводы. Основания применения условно-досрочного освобождения от

отбывания наказания регулируются нормами уголовного и уголовно-исполнительного права, основополагающим из которых является отбытие установленной УК РФ фактической части назначенного уголовного наказания. Срок наказания, который необходимо отбыть осужденному для условно-досрочного освобождения от наказания, а также сопряженные с ним вопросы, вызывающие затруднения в правоприменительной практике (осуждение по совокупности преступлений или по совокупности приговоров; за преступления разной степени тяжести; размера наказания; исчисления фактического срока в зависимости от сокращения или увеличения первоначального срока наказания и т. д.), определяются рядом обстоятельств, основные из которых, на наш взгляд, мы обосновали.

Только при установлении объективного отсутствия необходимости дальнейшего исправления и при наличии необходимого фактического срока, установленного законом, возможно применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Применение УДО как на основании одного лишь отбытия положенной части срока наказания, так и по мотивам исправления осужденного до истечения установленной части срока наказания противоречит закону. Таким образом, установленные законом два различных по правовому содержанию основания при правильном их применении для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания могут гарантировать реальное достижение целей наказания, предусмотренных российским уголовным законодательством.

ГЛАВА 5. УСЛОВИЯ ОТМЕНЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Предваряя раскрытие вопросов отмены условно-досрочного освобождения от отбывания наказания по указанным в законе основаниям, целесообразным представляется проведение краткого исторического экскурса по регламентации законодательно закрепленных условий, при наступлении которых осуществлялось исполнение неотбытой части наказания.

Так, 25 ноября 1918 г. в инструкции Народного комиссариата юстиции «О досрочном освобождении» было установлено, что в случае совершения досрочно-освобожденным в течение неотбытого срока наказания нового преступления к наказанию за него возможно было присоединение оставшейся части наказания по прежнему преступлению (ст. 9). Впервые указывалось, в чем заключается условность освобождения – в случае совершения какого-либо преступления в течение неотбытого срока наказания осужденный возвращается в места отбывания наказания. В то же время в указанной инструкции оговаривалось, что если новое преступление не представляет собой опасности, допускается сохранение в силе условного освобождения по первому преступлению с наложением наказания лишь за второе.

Декрет СНК РСФСР от 21 марта 1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» регламентировал, что в случае совершения досрочно освобожденным в течение неотбытого срока наказания аналогичного преступления он в обязательном порядке лишался свободы по постановлению судебного или следственного органа до постановления нового приговора. Срок лишения свободы по новому приговору не мог быть менее испытательного срока по первому преступлению, но по совокупности приговоров не мог превышать 5 лет.

Статья 54 УК РСФСР 1922 г. оставила в силе прежний порядок отмены условно-досрочного освобождения при совершении освобожденным однородного или тождественного преступления, а также дополнительно ввела принцип полного присоединения назначенного судом наказания по новому приговору к неотбытой части срока, однако и здесь установив верхний предел наказания – 10 лет лишения свободы.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., сохранив принцип полного присоединения наказания, указал, что условием отмены УДО признается совершение не менее тяжкого преступления.

Дальнейшие изменения условий отмены УДО были предусмотрены Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. В ч. 9 ст. 44 и ч. 10 ст. 45 Основ неотбытая часть наказания могла быть присоединена к наказанию, назначенному за вновь совершенное преступление в случае совершения любого преступления.

На сегодняшний день УК РФ значительно расширил круг действий лиц условно-досрочно освобожденных, при совершении которых УДО может быть отменено.

Если в течение испытательного срока условно-досрочно освобожденный совершил правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренные главой 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП), за которое на него было возложено административное взыскание, или злобно уклонялся от выполнения обязанностей, возложенных на него судом при освобождении, а равно от назначенных принудительных мер медицинского характера, суд может по представлению специализированных государственных органов отменить условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, в связи с чем неотбытая часть срока наказания подлежит реальному исполнению (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Из рассматриваемого предписания закона вытекает, что не всякое, в том числе и грубейшее, нарушение общественного порядка условно-досрочно освобожденным, а лишь то, которое повлекло за собой применение к нему мер административного воздействия, является основанием для возможного (отнюдь необязательного) решения суда об отмене УДО. В данной ситуации мы имеем дело с так называемой административной преюдицией, в соответствии с которой уголовно-правовое решение проблемы возможно только тогда, когда имеет место предшествующее воздействие административного характера.

Следует обратить внимание, что по логике закона совершение условно-досрочно освобожденным мелкого хищения не является основанием для принятия решения об исполнении неотбытой части наказания, если при этом указанное лицо выполняет остальные условия досрочного освобождения. В то же время мелкое хулиганство образует основание для его отмены. Такое положение вряд ли соответствует общим принципам и задачам УК.

Указанное может лишь привести к выводу о том, что данное лицо не осознало предоставленного ему шанса досрочного выхода на свободу, а следовательно, оно не заслуживает права для дальнейшего прохождения испытательного срока. Следовательно, при совершении правонарушения должен возникнуть вопрос об отмене УДО, при котором суд должен руководствоваться общими началами назначения наказания, в частности, учитывать характер и степень общественной опасности административно-правового деликта. На наш взгляд, данный аспект не до конца урегулирован в уголовном законодательстве и требует дополнительной разработки, а также внесения соответствующих изменений в законодательство.

На основании изложенного представляется, что более действенно рассматриваемая норма будет способствовать ресоциализации осужденного в период его «испытания свободой», если законодатель в п. «а» ч. 7

ст. 79 УК РФ изменит редакцию, заменив словосочетание «нарушение общественного порядка» словом «правонарушение».

Поводом для отмены УДО может послужить также и злостное уклонение осужденного от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера.

Некоторые авторы считают, что злостно означает «упорно, несмотря на напоминание органа, контролирующего поведение лица, не выполняет обязанностей, возложенных на него при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания»¹. Другие авторы полагают, что уклонение от исполнения возложенных судом обязанностей признается злостным, «если оно носит систематический характер и продолжается после письменного предупреждения специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением лица, условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания»².

Законодатель в п. 23 постановления Пленума № 8 от 21 апреля 2009 г. указывает, что «под злостным уклонением от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного, предусмотренным п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ, следует понимать повторное невыполнение таких обязанностей после вынесения органом, контролирующим поведение осужденного, письменного предупреждения о возможности отмены условно-досрочного освобождения».

К сожалению, на наш взгляд, разъяснению данного понятия уделено недостаточно внимания относительно временного периода «повторного невыполнения таких обязанностей». Так, УИК РФ в ч. 4 ст. 190 применительно к условно осужденным содержит указание на «систематическое неисполнение условно осужденным <...> возложенных на него судом обязанностей». Понятие систематического неисполнения обязанностей раскрывается в ч. 5 ст. 190 УИК РФ – «совершение запрещенных или невыполнение предписанных условно осужденному действий более двух раз в течение года либо продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей, возложенных на него судом».

Тем более что в вышеназванном постановлении указано: «вопрос о том, является ли уклонение от выполнения возложенных судом на осужденного обязанностей злостным, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом его продолжительности и причин уклонения, а также других обстоятельств дела».

Также не до конца урегулирован момент, который определяет, что суд при рассмотрении данного вопроса может, но не обязан отменять условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Так, если имеет

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 2016. С. 206.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2013. С. 168.

место злостное уклонение от исполнения обязанностей, их грубое нарушение в совокупности с игнорированием указаний органа, осуществляющего контроль, то отмена УДО должна быть не правом, а обязанностью суда.

При совершении условно-досрочно освобожденным во время испытательного срока неосторожного преступления вопрос о сохранении или отмене условно-досрочного освобождения решается судом (п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Суд вправе не прерывать течение испытательного срока, если придет к выводу о том, что это «преступление совершено случайно при неудачном для лица стечении обстоятельств». В этом случае лицу может быть вынесен приговор за неосторожно совершенное преступление, а испытательный срок по первому приговору будет течь дальше. Аналогично может быть решен вопрос и при совершении умышленного преступления небольшой или средней тяжести.

Суд вправе принять решение и о прерывании испытательного срока. Мотивы, которыми он должен руководствоваться в УК, не определены. На наш взгляд, к ним могут быть отнесены тяжесть совершенного преступления, а также иные данные, свидетельствующие, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания не принесло результата и к лицу необходимо применить воздействие в условиях исправительного учреждения.

При совершении во время испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления условно-досрочное освобождение в соответствии с п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ отменяется в любом случае. При этом суд назначает лицу наказание по правилам ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров, частично или полностью присоединяя не отбытую часть наказания по предыдущему приговору. Более того, к основному наказанию, назначенному по совокупности приговоров, суд вправе присоединить дополнительную меру наказания, назначенную по предыдущему приговору, если лицо было от него условно-досрочно освобождено. Данное положение обязывает суд, несмотря ни на что, отменять УДО. Из перечисленных нарушений только это является безусловным и обязательным основанием для его отмены.

Если лицо, к которому было применено условно-досрочное освобождение, выполнило все условия испытательного срока, то назначенное судом наказание признается отбытым полностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многовековая история уголовной юстиции убедительно доказала, что одними лишь мерами ужесточения наказания нельзя добиться сокращения числа совершаемых преступлений и обеспечить их полную раскрываемость. Уголовная политика предполагает не только усиление уголовной ответственности и наказания по мере возрастания общественной опасности посягательств, но и обратный процесс: смягчение ответственности и наказания, а также освобождение от него по мере достижения целей наказания. В связи с этим уголовное законодательство исходя из принципов гуманизма и справедливости предусматривает возможность освобождения от наказания лиц, совершивших преступления.

Дифференцированный и индивидуальный подход к лицам, отбывающим уголовное наказание, допускает возможность отказа от государственного принуждения в некоторых случаях и способствует снижению рецидива и преступности в целом.

Наличие возможности освободить лицо от отбывания наказания до истечения установленного приговором суда срока – основной признак, который позволяет объединить все виды освобождения в самостоятельный институт.

Условные виды освобождения объединяются в единое целое исходя из требования – возможности реализации освобождения от наказания только при исполнении определенных, законодательно установленных условий.

Именно их неукоснительное соблюдение в течение всей оставшейся неотбытой части наказания будет выступать определенным гарантом применения к осужденному освобождения от наказания и являться залогом его последующей успешной ресоциализации.

Суть условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) состоит в том, что осужденный, при наличии определенных, указанных в законе оснований, освобождается от дальнейшего отбывания наказания до истечения срока, назначенного приговором суда, под определенными условиями.

В случае невыполнения указанных условий суд назначает наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ, т. е. к наказанию, назначенному за новое преступление, полностью или частично присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда.

Поведение лица, освобожденного условно-досрочно, во время испытательного срока, которым является неотбытая часть наказания, имеет большое правовое значение, поскольку осужденный освобожден от наказания условно, и освобождение может быть отменено в соответствии с ч. 7 ст. 79 УК РФ. В данной связи законодатель более дифференцированно, чем ранее, оценивает поведение лица во время испытательного срока.

Если же в течение испытательного срока осужденным соблюдены все условия, предъявляемые к условно-досрочно освобожденному, – последний считается полностью отбывшим наказание.

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания вполне можно назвать комплексным, так как он касается не только уголовно-исполнительного, но и уголовного и уголовно-процессуального права, а вопросы непосредственного правового регулирования отражены в разных кодексах. Поэтому весьма важное значение имеет четкое непротиворечивое указание в этих законах оснований и порядка представления к условно-досрочному освобождению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрющенко М. Н. Понятие эффективности и ее философский смысл // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12. Философские и социологические исследования. Л., 1971.
2. Астемиров З. А. О понятии и сущности исправления и перевоспитания осужденных к лишению свободы // Труды Рязанской ВШ МВД СССР. Вып. I. 1973.
3. Бадамян Е. А. Проблемы условно-досрочного освобождения. Уфа, 1994.
4. Бажанов О. И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981.
5. Байдаков Г. П. Психолого-педагогические критерии определения степени исправления осужденных в ИТК // Проблемы дифференциации исполнения наказаний: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.
6. Баранов В. И. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978.
7. Барсукова С. Г. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2000.
8. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых колониях. Л., 1963.
9. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.
10. Беляев В. Г. Применение уголовного закона. Волгоград, 1998.
11. Богданов М. А. Становление идеи пенитенциарного исправления и условно-досрочного освобождения заключенных в XVI–XVIII веках // Научный портал МВД России. 2010. № 4.
12. Болдырев В. А. О кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Советское государство и право. 1958. № 7.
13. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2001.
14. Борисов Э. Т. Основания условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким: дис. ... канд. юрид. наук. Иваново, 1969.
15. Боронбеков С. Влияние субъективной стороны элемента состава преступления и наказания и их последствий на процесс исправления осужденного // Проблемы совершенствования исполнения уголовного наказания. Рязань: РВШ МВД России, 1992.
16. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: Издательство Эксмо, 2005.
17. Васильев В. Л. Юридическая психология. Спб., 2000.

18. Водяников Д. П., Кузнецова Л. В. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким. М., 1981.

19. Даль В. Толковый словарь. Т. 1. М., 1935.

20. Дюрягин И. Я. О необходимости нового подхода к разработке проблемы эффективности в уголовном процессе // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки. Ижевск, 1989.

21. Елеонский В. А. Отношение осужденных к наказанию и вопросы повышения эффективности их исправления и перевоспитания в местах лишения свободы. Рязань: РВШ МВД СССР, 1976.

22. Емельянов Ю. Н. Основные вопросы освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1967.

23. Еникеев М. И. Общая и юридическая психология. М.: Юридическая литература, 1996.

24. Есин Н. В. Комментарий к ст. 9 УИК РФ и Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общей ред. П. Г. Мищенкова. М., 1997.

25. Ефимов М. А. Некоторые вопросы условно-досрочного и досрочного освобождения // Правоведение. 1958. № 1.

26. Ефимов М. А. Условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким. Свердловск, 1969.

27. Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан (Собор. Узак. 1909 г. № 126. Ст. 1216) / под ред. Д. А. Коптева. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie49445.html>

28. Закон об условном досрочном освобождении. Высочайше утвержденный 22 июня 1909 г. и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон. Законодательные мотивы и постатейные разъяснения. Ю. В. Александровский. Санкт-Петербург, 1909. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1423262>

29. Зеленовский Я. Организация трудовых коллективов. Введение в теорию организации и управления. М.: Прогресс, 1971.

30. Зельдов С. И. Освобождение от наказания и от его отбывания. М., 1982.

31. Злобин Г. А. О методологии изучения эффективности наказания в советском уголовном праве и криминологии // Вопросы предупреждения преступления: сборник научных трудов. М., 1965.

32. Зубков А. И. Вступительная статья // Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / рук. авт. кол. проф. А. И. Зубков. М., 1997.

33. Зубков А. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4.
34. Исправительно-трудовая педагогика. М.: ВШ МООП СССР, 1967.
35. Казак Б. Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы / под ред. С. Н. Пономарева, С. А. Дьячковского. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002.
36. Каринский С. Поощрения за успешный труд по советскому праву. М., 1961.
37. Карпец И. И. Индивидуализация наказания. – М., 1961.
38. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.
39. Керимов Д. А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М.: Госюриздат. 1960.
40. Киреев М. П. По закону или по справедливости? // Воспитание и правопорядок. 1989. № 8.
41. Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона. Свердловск, 1975.
42. Козлов В. А. Вопросы теории эффективности правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1972.
43. Коллисон Э. Неправосудные суды. М., 1961.
44. Комментарий к Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. М., 1979.
45. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2013.
46. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015.
47. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978.
48. Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С. Эффективность правовых норм. М., 1980.
49. Кузнецов А. П. Цели наказания в уголовном законодательстве: теоретический аспект // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Российского Конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2009.
50. Кузнецов Ф. Т., Подымов П. Е., Шмаров И. В. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М.: Юридическая литература, 1968.
51. Кузнецова Н. Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона. М.: Юридическая литература, 1973.
52. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М.: Проспект, 2008.

53. Курганов С. И. Назначение наказания и освобождение от наказания: курс лекций. М.: Юрлитинформ, 2014.
54. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Том 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2011.
55. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 31.
56. Ленский В. М. Организационно-правовые проблемы досрочного освобождения осужденных из ИТУ: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995.
57. Литвишков В. М. Нравственная ответственность и ее формирование у несовершеннолетних осужденных. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002.
58. Люблинский П. И. На смену старого права. Петроград, 1915.
59. Макаренко А. С. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1962.
60. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск: УлГУ, 2002.
61. Маликов С. В. Сроки в институте условно-досрочного освобождения // Lex Russica (Научные труды Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина). 2010. № 4.
62. Мелентьев М. П. Новый этап в развитии российского пенитенциарного законодательства. Вступительная статья к Комментарию к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общей ред. П. Г. Мищенко. М., 1997.
63. Мелентьев М. П., Корчинский В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правоприменительной деятельности исправительно-трудовых учреждений. Киев, 1991.
64. Миняева Т. Ф. Правовой статус личности осужденных в Российской Федерации. М., 2001.
65. Михайлов К. В. Контрольный срок при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Уголовное право. 2008. № 6.
66. Михайлов К. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: проблемы и перспективы уголовно-правового регулирования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й международной науч.-практич. конф. М., 2009.
67. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Части Общая и Специальная. Одесса, 1924.
68. Нечепуренко А. Роль руководящих разъяснений Верховного Суда РФ в совершенствовании практики уголовного испытания // Уголовное право. 2009. № 2.
69. Никифоров Б. С. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1974.

70. Носенко А. М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы. М., 1974.
71. Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
72. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1986.
73. Орел Л. Е. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1966.
74. Пашков А. С., Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8.
75. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовой нормы // Советское государство и право. 1970. № 3.
76. Первозванский В. Б. Комментарий к ст. 109 УИК РФ // Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / рук. авт. кол. проф. А. И. Зубков. М., 1997.
77. Перлов И. Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963.
78. Петин И. А. Понятие, этапы и критерии исправления // Российский следователь. 2008. № 8.
79. Пионтковский А. А. Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование. Казань, 1900.
80. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924.
81. Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1928.
82. Пионтковский А. А. Избранные труды. Т. 1. Казань, 2004.
83. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924.
84. Полубинская С. В. Цели уголовного наказания. М., 1990.
85. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974.
86. Розин В. М. Психология для юристов. М., 1997.
87. Сабанин С. Н. Проблемы повышения эффективности институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981.
88. Сизый А. Ф. Оценка степени исправления и перевоспитания осужденных. Рязань: РВШ МВД СССР, 1986.
89. Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1995.
90. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденного к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/03/0392/030892023.pdf>.
91. Словарь синонимов русского языка. М.: Наука. 1975.

92. Словарь современного русского литературного языка. М., 1965.
93. Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М.: Юридическая литература, 1968.
94. Смышляев В. В. К вопросу о социальной и юридической природе условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Следователь. 1999. № 5.
95. Смышляев В. В. Уголовно-правовой механизм реализации лишения свободы. Ульяновск, 2000.
96. Степанов В. Критерии оценки степени исправления осужденных при применении условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2009. № 5.
97. Стручков Н. А. Проблемы наказания в проектах общесоюзного и республиканского законодательств // Советское государство и право. 1958. № 7.
98. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1987.
99. Сундуров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976.
100. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994.
101. Тарханов И. А. Личность преступника и индивидуализация наказания // Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980.
102. Теория государства и права / В. А. Козлов, К. Е. Ливанцев, А. И. Королев и др. Л., 1987.
103. Ткачевский Ю. М. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962.
104. Ткачевский Ю. М. Замена уголовного наказания в процессе исполнения. М., 1982.
105. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997.
106. Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1997. № 2.
107. Ткачевский Ю. М. Соотношение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1998. № 2.
108. Ткачевский Ю. М. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Законодательство. 2004. № 8.
109. Тоболкин П. С. Понятие эффективности норм советского уголовного права // Проблемы эффективности уголовного закона. Вып. 37. Свердловск: СЮИ, 1975.
110. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. Н. Здравомыслова. М., 1996.

111. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997.
112. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник / под ред. проф. А. В. Бриллиантова. М., 2016.
113. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А. И. Рарога. М., 2012.
114. Уголовный кодекс Испании 1995 г. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. М., 1998.
115. Уголовный кодекс Республики Беларусь // СПС «Гарант».
116. Уголовный кодекс Республики Болгарии / науч. ред. А. И. Лукашова; пер. с болгарского Д. В. Милушева, А. И. Лукашова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
117. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / пред. А. В. Федорова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
118. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.
119. Уголовный кодекс РСФСР. Научно-популярный практический комментарий / под ред. М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. М.: Право и жизнь, 1925.
120. Уголовный кодекс Франции. Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов / под ред. И. Д. Козочкина. М., 1999.
121. Уголовный кодекс ФРГ. М., 2000.
122. Уголовный кодекс Эстонской Республики / науч. ред. и пер. с эстонского В. В. Зепалова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
123. Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена наказания более мягким: дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1964.
124. Улицкий С. Я. Некоторые теории юридической природы условно-досрочного освобождения в советском праве // Ученые записки Дальневосточного ун-та. Т. 14. Юридические науки. Владивосток, 1978.
125. Улицкий С. Я. Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность). Владивосток, 2002.
126. Филимонов Б. А. Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. М., 1965.
127. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970.
128. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.
129. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889.
130. Характеристика осужденных к лишению свободы / под ред. А. С. Михлина. М., 1977.

131. Хегай Л. В. Испытательный срок при условно-досрочном освобождении от наказания // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1982. № 4.
132. Цветинович А. Л. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973.
133. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М., 1995.
134. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1971.
135. Шикин Е. П. Основные условия эффективности применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971.
136. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974.
137. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1960.
138. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.
139. Lindsey E. Indeterminat Sentence and Parole system. Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology. Vol. XVI. № 1. May, 1925.

Научное издание

Бадамшин Ильфат Давлетнурович

**РЕАЛИЗАЦИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ
СВОБОДЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Монография

Редактор Д. И. Шабазова

Подписано в печать	14.06.2017	
Гарнитура Times		Формат 60x84 1/16
Уч.-изд. л. 6,5	Заказ № 70	Усл. печ. л. 6,7
Тираж 50 экз.		

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*